
Майя
Саммер
ХОЗЯЙКА
РАЗРУШЕННОГО ПОМЕСТЬЯ

Майя Саммер

Хозяйка разрушенного поместья

«Литнет»
2026

Саммер М.

Хозяйка разрушенного поместья / М. Саммер — «Литнет», 2026

Я очнулась в теле ненужной княгини. Муж отправляет меня в разрушенное поместье. Надеется, что мы с его новорождённой дочкой умрём по дороге. Возможно прежняя Фрея сдалась бы, но не я. Прожившая почти пятьдесят лет на Земле. Я восстановлю поместье и сделаю его своим домом. Наглый муж ещё приползёт, чтобы просить меня вернуться! А ещё всё чаще с визитами приезжает его старший брат – князь этих земель. Вот только, что ему от меня нужно?✓ Взрослая героиня, получившая второй шанс. ✓ Разрушенное поместье, которое будем восстанавливать. ✓ Маленький ребёнок. ✓ Эмоциональные качели и мрачный князь, которому непонятно что нужно. ✓ Наглый рыжий кот ✓ ХЭ

© Саммер М., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

1 5
2 8
3 11
4 15
5 20
6 23
7 26
8 29
9 32
10 36
11 40
12 43
13 46
14 49
15 53
Конец ознакомительного фрагмента. 54

1

Голова раскалывается надвое. Хочу сжать её руками, но даже руки не поднять. Всё тело болит, словно по мне каток прошёл.

Хочется пить и в туалет. Желание такое сильное, что я разлепляю веки. Совсем немного. Только чтобы увидеть тусклый свет от свечи. И услышать голоса, спорящие в соседней комнате.

Прислушиваться нет нужды. Они почти кричат друг на друга.

- Какого чёрта она ещё жива? – рычит самый неприятный.

Меня бросает в ледяной холод от того, как он просто это говорит. Даже о собаке с таким пренебрежением не скажут, а он о человеке!

- Ваша светлость, не извольте беспокоится. Ночь поставит всё на свои места. – услужливо лебезит второй голос. Тоже мужской.

- Ты это сразу после родов говорил! – рявкает так, что я вздрагиваю.

- Но, ваше сиятельство, я же не Тёмный бог, чтобы одним прикосновением забирать жизнь!

Раздался жуткий удар. Словно человека припечатали к стене, а потом болезненный стон.

- Вольдемар, успокойся. – вступает женский голос – Если ты убьёшь единственного лекаря в доме, лучше никому не будет.

- Не вмешивайся, Эммили! – сквозь зубы говорит первый голос, похоже, его зовут Вольдемар или ваша светлость.

Интересно, что это за светлость такая и что вообще тут происходит?

Напрягла память. Там стояла гулкая, звенящая пустота. Можно было сколько угодно кричать «ау», никто не откликнется.

Шею прострелило очередной волной боли. Неужели сломала, когда ловила пацана? Воспоминание молнией прошивает мой мозг, добавляя страданий.

Мальчик на окне четвёртого этажа. Люди вокруг. Кто-то звонит в МЧС. Я знаю, что они не успеют. Сама работала оператором колл-центра. Делаю шаг вперёд, когда пацан срывается. А что потом?

Лежу, стараясь вспомнить, но ничего не получается. В голове мутно. Я словно от наркоза отхожу.

Может, так и есть? И всё это всего лишь моя фантазия?

В соседней комнате на пол падает грузное тело. А потом лекарь со стонами и причитаниями уползает. Раздаётся звук закрывающейся двери, и сладкая парочка остаётся наедине.

- Времени почти нет! Ты не понимаешь? Мне нужен сын! Наследник!

- Я понимаю, мой князь. – воркует Эммили – Твоя жена поступила подло, родив тебе дочь.

Они тут что? С ума посходили? Или биологию в пятом классе прогуливали? Какой ещё князь? Какой наследник? А главное, наследник чего?

Объяснение одно: анестезиолог напортачил с дозой наркоза, и меня неслабо припечатало.

- Через год невесте моего брата исполнится восемнадцать! Он женится, и у него может родиться сын раньше, чем у меня! И тогда именно его сын станет наследником!

- Севверин сейчас на войне. Даст Тёмный бог, он вообще с неё не вернётся! И править княжеством по-прежнему будешь ты и твой сын, Вольдемар.

- Ты не понимаешь, Эмми! У моего брата с детства за спиной стояла Светлая богиня! Его кромсали в сражениях, пытались отравить враги, а ему всё ни по чем! Надеяться на его смерть глупо и недальновидно.

- Тогда давай просто придушим гадину? Ну кто узнает? – голос льётся как патока.

Тело начинает трясти крупной дрожью. Словно это мне грозит опасность, а не незнакомой жене этого ублюдка.

- Дознаватель узнает! – зло кричит Вольдемар – Думаешь, её тётка спустит мне с рук убийство последней представительницы рода Рунгерд? Я и так обманом женил её племянницу на себе.

Его последние слова меня совершенно не удивляют. Отработав пять лет на телефоне сначала оператором МЧС, потом в линии доверия, я научилась по голосу распознавать мерзких людей.

У этого Вольдемара был голос скользкой змеи, которую даже трогать не хочется. Не то чтобы иметь с ним дела.

Бедняжка его жена. Не представляю, как это – ложится с этим подонком в одну постель. Родить ему ребёнка.

- Тогда давай отправим её в дальнее поместье. Вместе с ребёнком. Если она не сдохнет по дороге, то голод и холод сделает своё дело. Отправим слугу, чтобы он за этим проследил. – довольно говорит Эммили.

- Отличная идея. Отправим её прямо завтра, если Тёмный бог не услышит моих молитв. – восхищённо соглашается он - Ты просто чудо, дорогая!

Какие же они мерзкие. Надеюсь, что они уйдут и оставят меня одну в тишине, но к моему ужасу, они и не думают этого делать! Раздаётся шелест одежды, характерные причмокивания и стоны.

Я взрослая женщина и многое повидала, но это?! Они серьезно решили заняться любовью в соседней, ничем не закрытой комнате? Постыдились бы!

Но стыда у этой парочки не было вовсе. После прелюдий началось основное действие. С неприличными звуками и разгорячёнными криками.

Мне захотелось встать и отвесить им пару оплеух, но слабость в теле сковала меня. Врождённое упрямство заставило всё же сделать отчаянный рывок, потому что терпеть такое я не собиралась.

Опёрлась локтем о постель, подняла торс и успела рассмотреть комнату с миленькими обоями в цветочек и расставленными на комоде свечами. Промелькнула мысль: какого чёрта? И я свалилась в обморок от перенапряжения.

2

Когда сознание вернулось, первым, что я почувствовала, была боль. Она была уже другой — не острой и рвущей, как в постели, а тупой, разлитой по всему телу, пульсирующей в такт тряске.

Тряска была ужасной. Каждая косточка, каждый сустав отзывались на неё болью. Я лежала на чём-то жёстком и колючем, укрытая тонкой, пропахшей пылью и затхлостью тканью.

Я открыла глаза. Полумрак. Деревянные стенки, обтянутые потертой тканью. Небольшое зарешеченное окошко, в которое лился тусклый, серый свет. Я ехала в карете. Эта мысль пронзила мозг с кристальной ясностью, отодвинув остатки тумана.

Не моя мысль.

Кареты здесь были редкостью, роскошью. Но эта… эта была больше похожа на тюремную повозку.

А ещё боль. Боль от предательства. Фрея, та что раньше была в моём теле, действительно любила мужа. И по своей воли пошла под венец. Предательство отзывалось тупой болью в сердце.

И тут я услышала тихий, жалобный писк. Совсем рядом.

С огромным усилием повернула голову. На противоположной скамье, закутанная в грубый плащ, сидела молодая девушка с испуганными круглыми глазами и веснушчатым носом. На её коленях, прикрытая уголком того же плаща, лежала плетёная корзина. Из неё доносился тот самый писк.

— Ваша светлость… вы очнулись? — голос служанки дрожал. Она выглядела не старше шестнадцати.

Я не ответила. Я смотрела на корзину. В памяти, не моей, а Фреи, всплыло: долгие часы боли, крик, потом тишина, и голос повитухи: «Девочка». А потом пришёл он. Мой, точнее её муж.

Вольдемар. Его холодный взгляд. И ледяное молчание вместо поздравлений.

— Ребёнок… — прошептала я, и мой голос прозвучал чужим, хриплым и слабым.

— Сейчас успокою, княжна. — поспешно закивала служанка, качая корзину. — Покормила я её чуть раньше, молочка у козы взяла в дорогу.

Дочь. У меня… у Фреи… была дочь. А у меня, у Ефросиньи, никогда не было детей. Ком в горле встал такой, что стало трудно дышать. Но это была не только жалость. Это был леденящий ужас, наконец обретший форму.

Разговор в соседней комнате. Не галлюцинация. Не побочный эффект наркоза. Каждое слово, каждая интонация — чистая, ужасающая правда. Вольдемар, Эммили, и их план.

«Если не сдохнет по дороге, то голод и холод сделают своё дело».

И слуги, которые должны за этим проследить.

Я медленно перевела взгляд с корзины на лицо девушки. Она отводила глаза, её пальцы судорожно мяли край плаща. Она была слишком молода и слишком напугана, чтобы быть хладнокровной убийцей. Но приказ есть приказ. А с ней, судя по всему, был ещё кто-то.

Карета резко качнулась, колесо, видимо, попало в выбоину. Я вскрикнула от внезапной боли в боку, а из корзины раздался пронзительный плач. Девушка засуетилась, начала укачивать, бормоча что-то успокаивающее. Её движения были ловкими, но искренними.

В этот момент дверца кареты с внешней стороны приоткрылась, и в щель протиснулось мужское лицо. Жёсткое, обветренное, с бесцветными глазами и щетиной. Он бросил беглый взгляд на меня, на служанку с ребёнком.

— Всё в порядке? — его голос был грубым, как тёрка.

— Всё… всё в порядке, господин Ханс, — пролепетала девушка.

— Скоро остановимся. Коням передышка нужна. И нам, — он фыркнул, и его взгляд скользнул по моей фигуре с таким откровенным пренебрежением, что даже в моём ослабленном состоянии внутри всё сжалось в твёрдый, холодный ком.

Это был он. Тот самый «слуга». Надсмотрщик. Палач.

Дверца захлопнулась. Плач ребёнка постепенно стих. В карете воцарилась тягостная тишина, нарушаемая лишь скрипом колёс и тяжёлым, прерывистым дыханием служанки.

Так.

Значит, так. Я мертва. Ефросинья Петрова, сорока восьми лет, оператор, погибла, ловя мальчишку с четвёртого этажа.

А теперь я — Фрея Рунгерд, восемнадцати лет, только что родившая, слабая, преданная мужем, обречённая на смерть в глухом поместье где-то на краю этого чужого, жестокого мира.

Паника, чёрная и бездонная, попыталась подняться изнутри, затопить разум. Я закрыла глаза, впиваясь ногтями в колючую ткань подстилки.

Нет. Нет, Ефросинья. Ты не для того прожила свою нелёгкую жизнь, дважды поднимаясь после разводов, ночами слушая чужие трагедии на телефоне доверия, и не для того в конце концов шагнула вперёд за ребёнком, чтобы сдаться вот так.

Здесь, в этом теле, лежащем на дне кареты, есть ещё одна жизнь. Маленькая, беззащитная, пищащая в корзине. И она зависит сейчас только от меня.

Мне нужно думать. Но мозг, разрывающийся между обрывками чужих воспоминаний (зимы в Имире, уроки этикета, запах воска и ладана в замковой часовне) и трезвым, циничным опытом женщины, повидавшей всякое, отказывался работать.

Слабость затуманивала сознание. Холод проникал сквозь тонкое платье и жалкое покрывало. Я вспомнила пронизывающие ветра, долгие зимы, о которых «помнила» Фрея.

Альмир, дальнее поместье… Туда нас и везут. На смерть.

Карета начала замедлять ход. Сердце заколотилось где-то в горле.

«Скоро остановимся».

Что будет, когда остановимся? Ханс откроет дверцу. И что? Он не станет душить нас здесь, при служанке. Нет. Их план тоньше, подлее.

«Голод и холод». Значит, на первой же остановке нужно проявить… что? Слабость? Или наоборот? Признаки жизни. Воли.

Я снова открыла глаза.

— Как тебя зовут? — спросила я служанку, заставив свой голос звучать как можно тверже, хотя это далось огромным усилием.

Девушка вздрогнула.

— Грета, ваша светлость.

— Грета. Ребёнок… дочка… она всё время плачет?

— Нет-нет, — девушка покачала головой. — Она славная. Только когда очень уж трясёт, или… или когда голодная.

— Молока хватит?

Грета неуверенно пожала плечами.

— На день-два… Потом… не знаю. Господин Ханс сказал, в деревнях по пути можно будет взять.

Он сказал. Но сделает ли? Скорее всего, нет. Или возьмёт испорченное.

Карета с грохотом и скрипом окончательно остановилась. Снаружи послышались голоса — грубый окрик Ханса и чей-то ответный, крестьянский, покорный. Дверца распахнулась.

В проёме, заливаемом холодным серым светом хмурого дня, стоял Ханс. За его спиной виднелся участок утоптанной земли, пара покосившихся строений — похоже, постоялый двор где-то на проселочной дороге — и мрачные, поросшие хвойным лесом холмы. Воздух, ворвавшийся внутрь, был влажным, холодным и пах смолой и прелыми листьями.

— Выходи, — бросил он, глядя на Грету. — Покорми кобыл, принеси воды. А ты, — его глаза упёрлись в меня, — если жива ещё, не зевай. Отправляй нужду, пока есть время. Дальше без остановок пойдём до ночлега.

Он говорил со мной, как с последней скотиной. Хотя я в этом мире заняла место княжны.

Грета, боязливо кивнув, осторожно поставила корзину на скамью и вылезла наружу. Я осталась одна под его тяжёлым, оценивающим взглядом. Он смотрел, как бы проверяя, насколько я уже близка к тому, чтобы «сдохнуть по дороге».

И тут, сквозь страх и слабость, во мне что-то щёлкнуло. Опыт жизни, где тебя тоже нередко не считали за человека, дал о себе знать. Я медленно, с видимым огромным трудом приподнялась на локтях. Каждый мускул кричал от протеста. Но я не просто встала.

Я посмотрела прямо в его бесцветные глаза. Не с вызовом — на это у меня не было сил. А с достоинством, которое он не ожидал увидеть.

— Господин Ханс, — сказала я тихо, но чётко. — Ребёнку нужно свежее молоко. И мне… мне нужна хоть какая-то тёплая одежда. Я только после родов. Мы не доедем иначе.

Он замер на мгновение, его брови поползли вверх. Видимо, он ожидал или стонов, или полной апатии. Не этого. Он что-то промычал невнятное, плюнул под колёса и хлопнул дверцей, оставив меня в полутьме.

Никакой одежды или еды мне не светит. Это очевидно.

Я рухнула назад, исчерпав весь запас сил. Сердце бешено колотилось. Это была мелочь. Ничтожная попытка. Но она была. Первый шаг в этой новой, страшной реальности.

Снаружи доносились приглушённые голоса, ржание лошадей. Я лежала и смотрела на корзину, откуда снова послышался тихий кряхтящий звук. И вдруг, сквозь страх и боль, сквозь невообразимость всего происходящего, ко мне прорвалось странное, тихое чувство. Острое, щемящее, совершенно новое. Ответственность. И любовь. Не моя. И в то же время уже моя.

— Всё будет, — прошептала я в полутьму, не зная, кому — себе, ей, или той, чьё тело я заняла. — Всё будет, малышка. Я нас вытащу. Я обещаю.

Но как? Слабая, безоружная женщина с новорождённым на руках и одной юной, запуганной служанкой против жестокого мужа-князя, его любовницы и их слуги-убийцы?

Пока ответа не было. Был только холод кареты, звук детского дыхания и далёкий, ледяной ветер, завывавший в вершинах сосен где-то там, на холмах.

И вдруг дверца снова резко распахнулась. На пороге стоял не Ханс. Какой-то незнакомый мужчина в поношенной, но добротной дорожной одежде. Он пристально посмотрел на меня, потом на корзину, и его лицо выразило удивление.

— Прошу прощения за вторжение, ваша светлость, — произнёс он негромко, но так, что каждое слово было отчётливо слышно. — Но мой господин, остановившийся здесь же, увидел герб на вашей карете. Он просит вас оказать ему честь и разделить с ним трапезу у огня. Он… был хорошо знаком с вашей покойной матерью.

3

Мысль о том, чтобы выйти, показалась мне безумием. Карета хоть и тряская, но всё же защита.

Встреча с неизвестным «господином», который «хорошо знаком» с моей покойной матерью - это риск.

Страх зашевелился холодным червяком в животе. А если он друг Вольдемара? Или, что хуже, Эммили? Прислан убедиться, что «всё идёт по плану»? Или просто любопытствующий аристократ, чья помощь может обернуться ещё большей бедой?

Моё нынешнее положение — ненужная жена, сосланная в дальнее поместье — делало меня уязвимой для любого, кто пожелал бы воспользоваться ситуацией.

Но какой у меня был выбор? Лежать тут и ждать, пока Ханс решит, что мы достаточно ослабли, чтобы «нечаянно» заблудиться в лесу или умереть от лихорадки? Или попытаться зацепиться за этот странный шанс, пусть он и выглядит как тонкий лед над глубокой водой.

Я посмотрела на корзину. Малышка тихо похныкивала. И это решило всё.

— Грета, — позвала я, когда девушка, красная от холода и смущения, вернулась с ведром воды. — Помоги мне встать. И… принеси ребёнка. Я возьму её с собой.

Грета широко раскрыла глаза.

— Ваша светлость, но там же… мужчины… в таверну… с ребёнком?..

— Именно с ребёнком, — отрезала я, уже понимая свою мысль.

Малышку в компании соглядатая и возможного убийцы я точно не оставлю. Грете тоже доверия нет. Что если я вернусь, а малышки уже не будет? Где мне её потом искать?

А ещё... Кто станет нападать на только что родившую мать с младенцем? Только абсолютное чудовище. И я ещё не была готова поверить, что все вокруг здесь — чудовища.

Стоя на земле, я едва не упала. Ноги, не слушались, дрожали. Холодный ветер пробирал до костей сквозь тонкое дорожное платье. Я крепче прижала к себе корзину с ребёнком, который Грета передала мне с дрожащими руками.

Я шла на чистой силе воли. На природном упрямстве, ведь сил у меня не было.

Ханс, чистивший копыто одной из кляч, смотрел на нас с немым, злобным выражением. Незнакомец, передавший приглашение, стоял рядом, его лицо оставалось вежливо-непроницаемым.

Таверна «Сломанное Колесо» оказалась тёмной, пропахшей дымом, пивом и потом низкого сословия. В дальнем углу, у самого камина, где пылали поленья, за грубым деревянным столом сидел тот самый мужчина.

Он был старше, чем показалось издали. Лет под пятьдесят. Лицо с живыми, пронзительными глазами и жёсткой линией рта было испещрено морщинами, но не от старости, а от привычной гримасы отвращения.

Его одежда, тёмный дорожный костюм и добротный плащ, говорили о достатке, но без вычурности. Рядом на скамье лежала шляпа с неброским, но качественным узором.

Он поднялся при моём приближении. Его взгляд быстро, оценивающе скользнул по мне, от лица до ног, задержался на корзине в моих руках, и в его глазах мелькнуло нечто — то ли сочувствие, то ли досадливое понимание.

— Княжна, — произнёс он, и его голос был низким, спокойным, лишённым слащавости или подобострастия. — Граф Ивар фон Лерхайм. Позвольте выразить свои соболезнования. О кончине вашей матери я узнал лишь по возвращении из дальних поездок.

Я молча кивнула, опускаясь на предложенную скамью у огня. Тепло от камина было блаженным, оно обжигало окоченевшую кожу. Я вытащила малышку, прижала к себе ребёнка, стараясь не выглядеть совсем уж потерянной.

— Благодарю вас, граф, — выдавила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Вы были знакомы с мамой?

— Это было очень давно. – с горечью сказал он, подзывая подавальщицу. – Она была очень умной и красивой женщиной.

В его тоне звучала неподдельное, сдержанное уважение. И что-то ещё…

Я кивнула, не зная, что ему сказать. Память возвращалась волнами, с каждый раз отзываясь жгучей болью в голове.

Лерхайм слегка наклонил голову.

— Я слышал… о ваших обстоятельствах. И о вашем путешествии. В Альмир, если не ошибаюсь? Суровое место для такой… хрупкой ноши, — он кивнул на ребёнка.

Тут я поняла. Он всё знает. Или догадывается. Он видел тухлую карету, одного грубого слугу, одну перепуганную служанку и едва живую роженицу. Картина была красноречивее любых слов.

Отчаяние подкатило к горлу. Может, он сможет помочь? Настоящая помощь, а не просто вежливая беседа у камина.

— Граф, — начала я, понизив голос почти до шёпота, чтобы не слышали любопытные уши из соседних столов. — Меня… нас… везут туда не для исцеления. Мой муж… у него другие планы. Мне нужно, чтобы кто-то предупредил мою тётю, леди Астрид Рунгерд. Она в столице. Если бы она знала…

Я умолкла, увидев, как его лицо омрачилось. Он медленно покачал головой.

— Княжна, то, что вы просите, невозможно. И не потому, что я не сочувствую вашему положению.

Он отпил из своей кружки, собираясь с мыслями.

— Между вашей тёткой и… некоторыми придворными кругами, к которым я вынужден себя причислять, существует давний и глубокий конфликт. Политический. Она считает, что наш совет слишком мягок к соседям с востока. Мы считаем её позицию безрассудно воинственной. Если я отправлю к ней весточку о вас, это будет воспринято не как помощь племяннице, а как попытка манипуляции, шпионажа или провокации. Она, скорее всего, верить не станет, решит, что это ловушка. Или, что хуже, поверит и начнёт действовать, что приведёт к ещё большему хаосу и, возможно, ускорит… реализацию тех планов, которых вы боитесь.

Мир вокруг меня снова поплыл. Не от слабости. От безысходности. Последняя соломинка, за которую я ухватилась, оказалась иллюзией. Конфликт. Интриги. Я была всего лишь пешкой на доске.

— Значит, вы ничего не можете сделать? — прошептала я, и в голосе прозвучала горечь, которой я не пыталась скрыть.

Граф Лерхайм посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом.

— Я не могу вступить в открытое противостояние с вашим мужем, князем Вольдемаром. Это будет расценено как вмешательство в дела другого княжеского дома. Будет война. — Он помедлил. — Но я могу дать вам инструменты, чтобы выжить. Чтобы выиграть время.

Он наклонился под стол и вытащил небольшой, но плотный кошель из толстой кожи, положив его на стол между нами со глухим стуком монет.

— Это не милостыня. Скажем, оплата за информацию о состоянии дорог на севере, которую вы, как путешественница, невольно собрали, — сказал он сухо, отводя возможные возражения. — На эти деньги купите в ближайшей деревне тёплые одежды для себя и ребёнка, добротные дорожные припасы: сухари, копчёное мясо, сыр, крупу. Не берите ничего у вашего слуги. Купите сами, или через служанку, если сами не сможете.

Потом его рука снова исчезла под плащом и появилась, держа что-то длинное, завёрнутое в грубую холстину. Он положил это рядом с кошельком и медленно развернул.

На столе лежал нож. Не украшенный, не парадный. Простой, с деревянной, потемневшей от времени рукоятью и широким, чуть изогнутым клинком длиной в мою ладонь с пальцами. Он выглядел старым, испытанным, заточенным до бритвенной остроты.

— Это, — сказал Лерхайм, и его голос стал тише, но твёрже, — тоже не подарок. Это орудие. Для чистки дичины, нарезки хлеба, заточки веток для укрытия. И, если крайняя нужда припрет… для защиты. Научитесь его держать. Не для красоты. Концом к угрозе. Колоть, а не махать. И помните: лучшая самозащита — это не попасть в ситуацию, где он понадобится. Но если попали… не колеблясь.

Я смотрела на нож, словно загипнотизированная. Оружие. В моих руках, которые последний раз держали разве что кухонный нож для овощей. Он лежал на столе, холодный и тяжёлый, воплощение всего ужаса и всей надежды одновременно.

— Почему? — выдохнула я, поднимая на него глаза. — Почему вы это делаете?

Граф откинулся на спинку скамьи, его лицо в тени.

— Ваша мать однажды спасла мне жизнь. Не думая о политике или выгоде. Просто потому, что это было правильно. Я не могу сделать то же самое для вас напрямую. Но я могу дать вам шанс спасти себя саму. Возможно, это и есть правильный поступок.

Он встал.

— Наше общение не должно привлекать лишнего внимания. Я уезжаю. Вы возвращаетесь в свою карету. Потратьте деньги с умом. И прячьте нож. Чтобы никто, даже служанка, его не видел.

Он кивнул мне, взял шляпу и, не оглядываясь, вышел из таверны. Я осталась одна у огня, с тёплым комочком у груди, кошельком, полным звонких монет, и холодной сталью, лежащей на грубом дереве стола.

Первым делом спрятала нож под юбку, привязав к бедру куском тесьмы, оторванной от нижней рубашки. Он давил, холодил кожу, но его присутствие было странно успокаивающим.

Ничего покупать на постоялом дворе я не стала. Чтобы не вызывать подозрений у слуги. Нужно всё хорошо обдумать и понять, что вообще делать дальше.

Даже если я куплю еду и одежду, Ханс просто отберёт у меня всё это.

Я вернулась в осточертевшую карету.

Мы ехали дальше. Дорога стала хуже, лес по сторонам — гуще и темнее. Сумерки сгущались, окрашивая мир в сизые, зловещие тона. Ханс с утра обещал «без остановок до ночлега», но ночлегом, как я начинала понимать, должна была стать не какая-нибудь деревня, а глухомань, где и случиться может что угодно.

И это «что угодно» произошло, когда солнце уже скрылось за гребнями тёмных елей.

Карета затормозила, снаружи послышалось громкое, неистовое ржание лошадей и проклятие Ханса.

Шаги. Скрип отворяемой дверцы. В проёме, на фоне почти уже ночного леса, стоял Ханс. А его лице была каменная маска решимости. В руке он держал не кнут, а короткую, утолщённую к концу дубину.

— Выходи, княжна, — сказал он безэмоционально. — Привал.

Ложь была настолько топорной, что даже Грета, вылезшая вслед за ним с испуганным лицом, поняла её. Она метнула на меня панический взгляд.

Ледяной покой, странный и незнакомый, спустился на меня. Время как будто замедлилось. Я почувствовала холод металла у бедра. Слова Лерхайма прозвучали в ушах: «Если крайняя нужда припрет… Не колеблясь».

Я медленно, с тем видом полной слабости, который у меня теперь получался сам собой, поднялась. Ребёнка оставила в корзине, ухватилась за косяк двери, шагнула вниз, на влажную, утоптанную колеёй землю.

— Где… привал? — пробормотала я, нарочито оглядываясь по сторонам.

Это был лесной тупик. Дорога здесь, судя по всему, и заканчивалась, упираясь в завал из бурелома. Ханс завёл нас в ловушку.

— Вот он, — скрипуче сказал он и сделал шаг ко мне, поднимая дубину. Его глаза были пусты. В них не было ни злобы, ни ненависти. Только работа. Грязная, но оплаченная работа.

Я отшатнулась, споткнулась о корень и упала на колени, инстинктивно прикрывая голову руками. Дубинка со свистом взметнулась в воздух.

Если я сейчас же ничего не сделаю, то следующим в списке будет малышка!

Помощь пришла откуда её не ждала. Грета с диким криком толкнула Ханса в спину, у неё не было сил, чтобы справиться со взрослым мужиком. Но её пример меня вдохновил. Если даже девчонка борется, то почему я застыла на месте?

И тут из моего горла вырвался не крик, а низкое, хриплое рычание, которое я сама не узнала. Моя рука, словно сама по себе, рванулась под юбку, нащупала деревянную рукоять.

Я рванулась вперёд, навстречу его движению, и с диким, отчаянным усилием толкнулась вперёд.

Раздался не крик, а хриплый, удивлённый выдох. Дубинка пролетела в сантиметрах от моего виска, тяжело шлёпнувшись о землю. Ханс закачался, его глаза округлились от непонимания. Он посмотрел вниз, на рукоять ножа, торчащую из его бока, потом на меня.

— Тварь… — прошипел он и рухнул вперёд, как подкошенный.

Я отползла, давясь сухими, беззвучными рыданиями, всё ещё сжимая в окровавленной руке нож, который я вытащила.

Схватила Грету, потащила за карету, чтобы не видеть происходящего.

- Ты знаешь куда нужно ехать? – чужим, холодным голосом спросила я у служанки.

Она испуганно замотала головой. А в чаще на три голоса завыли волки.

4

Ночь была бесконечной.

Мы затащили Ханса подальше от дороги, в кусты. Я не могла смотреть на него. Мои руки все еще тряслись. В них будто навсегда впился холод рукояти ножа. Я вытерла клинок о мокрый мох, но ощущение крови на коже не проходило.

Лошади, почуяв волков, ржали и били копытами. Грета, дрожа как осиновый лист, помогла мне отстегнуть их от кареты и привязать покрепче к ближайшим соснам. Без седла и упряжи они хотя бы могли отбиваться.

— Они нас съедят, — шептала Грета, вглядываясь в черную чащу. Оттуда доносилось хриплый лай волчьей стаи.

— Не съедят, — ответила я уверенно. — Они боятся огня. Нужно развести костер.

Но разводить костер не из чего. Вокруг сырой валежник, пахнущий гнилью. Мы с Гретой обшарили карету. Нашли старое одеяло, пару пустых мешков и мою дорожную сумку. Еды не было. Только пустая бутыль из-под молока.

Мы залезли в карету и заперлись изнутри. Я прижала к себе дочку. Она плакала тихо, жалобно. Молока у меня не было. Оно так и не пришло после родов. От безысходности я смочила уголок одеяла водой из баклажки и дала ей пососать. Она смолкла, уткнувшись личиком в мокрую ткань.

Грета сидела напротив, обняв колени. Она смотрела в одну точку. Ее глаза были пусты.

— Вы его убили, — прошептала она.

— Он хотел убить нас, — ответила я. Мой голос прозвучал чужим и плоским. — И тебя тоже. Ты думаешь, он оставил бы свидетеля?

Она молчала. Снаружи завыл ветер. Волки ответили ему протяжным, голодным воем. Лошади забились и заржали еще громче.

— Я его толкнула, — сказала Грета вдруг. — Я... я не думала. Просто увидела, как он замахивается на вас... и все.

Я посмотрела на нее. На эту испуганную девочку, которая нашла в себе силы толкнуть взрослого мужчину.

— Ты спасла мне жизнь, Грета. Спасибо.

Она кивнула, сглотнув комок в горле. Потом тихо спросила:

— Что теперь будет? Он... господин Ханс... он мертв?

— Не знаю, — честно ответила я. Я не хотела подходить и проверять. Мне было все равно. Жив он или нет — он больше не представлял угрозы. Другая угроза выла в лесу, и с ней нужно было как-то дожить до утра.

Мы молчали. Я качала дочку. Грета сидела, прислушиваясь к каждому шороху. Временами мы обе вздрагивали, когда особенно близко слышался волчий вой.

Я думала о ноже. О том, как легко он вошел в тело. О том, что я сделала. Я не чувствовала ни ужаса, ни раскаяния. Только ледяную пустоту и острое, ясное понимание: так будет всегда. Здесь, в этом мире, чтобы выжить, нужно быть готовой ударить первой. Или второй. Но обязательно ударить.

Постепенно волки стихли. Наверное, ушли искать добычу подальше от лошадиных копыт. Лошади успокоились. В лесу воцарилась тишина, нарушаемая лишь шелестом листьев на ветру.

Усталость, тяжелая и липкая, накатила на меня. Глаза слипались. Я видела, как Грета тоже клевала носом, сидя на своей скамье.

— Спи, — сказала я ей. — Я подежурю.

Она качнула головой, пытаясь стряхнуть дремоту, но через минуту ее дыхание стало ровным и глубоким. Я сидела, прислушиваясь к ночи, и качала дочку.

Мои мысли были мутными.

Я вспоминала свою прошлую жизнь. Квартиру в хрущевке, работу в колл-центре, одинокие вечера перед телевизором. Как далеко все это теперь. Как будто не со мной было.

Потом я вспомнила графа Лерхайма. Его спокойный, твердый взгляд. Он дал мне шанс. И я им воспользовалась. По-своему.

Дочка зашевелилась. Я снова смочила одеяло. Она пососала и снова заснула. Я смотрела на ее крошечное личико в сумраке. У нее были светлые, почти белые ресницы. Как у Фреи. Как у той, чье тело я заняла.

«Я нас вытащу, — мысленно повторила я свое обещание. — Я обещаю».

Но как? Мы в лесу, без еды, с одной испуганной служанкой и двумя лошадьми. Куда ехать? В Альмир? Но что нас там ждет?

Мысли путались. Голова тяжелела. Я боролась со сном, но он победил. Я не заметила, как глаза закрылись.

Меня разбудил птичий щебет. Свет пробивался сквозь зарешеченное окошко.

Я резко села. Все тело ныло. Дочка тихо похныкивала. Грета спала, свернувшись калачиком на скамье.

Я осторожно выглянула в окошко. Лес стоял в утренней дымке. Лошади, привязанные к соснам, мирно щипали мокрую траву. Никаких волков.

Я вздохнула с облегчением и разбудила Грету. Она проснулась с испуганным вскриком, но, увидев меня, успокоилась.

— Утро, — сказала я. — Нужно решать, что делать.

Мы выбрались из кареты. Воздух был холодным и свежим. Я подошла к тому месту, куда оттащили Ханса. Его там не было. Только помятая трава и темное пятно на земле. Значит, он ушел. Или его утащили. Неважно. Его больше нет.

Я осмотрела лошадей. Это были заморенные клячи, но на своих ногах они стояли твердо. Карета цела. Мы могли ехать.

— Грета, — сказала я, когда мы закончили. — Нам нужно поговорить.

Она посмотрела на меня большими глазами.

— Ты спасла меня вчера. Ты могла бы стоять в стороне. Но ты вмешалась. Почему?

Она опустила взгляд, переминаясь с ноги на ногу.

— Он... он был плохой, — тихо проговорила она. — Еще в замке я видела, как он смотрел на вас. Как на вещь. И в дороге... он говорил, что по приезде в Альмир мне тоже не жить. Что я слишком много знаю.

Меня будто обожгло. Значит, я была права. Никаких свидетелей.

— Значит, ты понимаешь, что назад дороги нет, — сказала я. — В замок тебя не примут. Князь тебя убьёт. Как и меня.

Она кивнула, и по ее щекам покатились слезы.

— Я не знаю, что делать, ваша светлость. У меня никого нет. Родители умерли. Меня взяли в замок из милости...

— Хватит, — мягко прервала я ее. — Не плачь. Слезами делу не поможешь. Я задам тебе один вопрос, и отвечай честно. Готова ли ты служить мне? Верой и правдой. Не как княгине, которой ты должна подчиняться. А как... как хозяйке. Которая будет тебя защищать и кормить. И которой ты будешь помогать. Вместе мы, возможно, выживем. По отдельности — нет.

Грета вытерла лицо рукавом, подняла на меня влажные глаза. В них читалась не детская решимость.

— Я готова, ваша светлость. Я буду служить вам. До конца.

— Хорошо, — кивнула я. — Тогда первое правило: хватит называть меня светлостью. Зовите меня просто госпожой Фреей. Второе: мы вместе. Ты — не служанка. Ты — моя правая рука. Понятно?

Она кивнула, и тень улыбки тронула ее губы.

— Понятно, госпожа Фрея.

— Отлично. Теперь нам нужно выбраться на тракт и ехать в Альмир. Другого выхода у нас нет.

Мы запрягли лошадей. Это было нелегко — ни я, ни Грета не знали, как это делается. Но мы справились, вспоминая, как это делал Ханс. Карета скрипнула и тронулась с места. Мы выехали из лесного тупика и поехали на ощупь, ориентируясь по мху на деревьях и слабому просвету в чаще.

Через пару часов мы выехали на узкую, но наезженную дорогу. Это был тракт. Мы повернули на север. Туда, где, по воспоминаниям Фреи, должно было быть поместье Альмир.

Ехали медленно. Лошади устали. Мы с Гретой молчали, прислушиваясь к звукам леса. Я держала дочку на руках. Она все время спала. Это беспокоило меня. Она была слишком тихой.

К полудню мы увидели дымок. Потом из-за деревьев показались крыши. Деревушка. Небольшая, бедная. Несколько изб, хлев, колодец с журавлем.

Мы остановились на окраине. Я отдала дочку Грете.

— Останься здесь. Не выходи из кареты. Если что — кричи.

Я вышла. Мне нужна была еда. Молоко для ребенка. Хлеб. Что угодно.

Деревня встретила меня настороженной тишиной. У колодца стояли две женщины в потертых платьях. Они перестали болтать, увидев меня. Их взгляды скользнули по моему дорожному платью, которое было грязным и помятым, но все еще выдавало знатную особу.

Я направилась к ним, но тут с другой стороны деревни раздался крик. Гневный, мужской.

— Вор! Щенок паршивый! Я тебе руки-ноги переломаю!

Мы с женщинами обернулись. На деревенской улице, у покосившегося сарая, стоял здоровенный мужик в замасленном кожухе. Он держал за шиворот мальчишку лет двенадцати. Мальчик был худой, как щепка, в рваной рубахе и портках. Лицо его было бледным от страха. В руках он сжимал краюху черного хлеба.

— Я не воровал, дядя Трофим! — визгливо кричал мальчик. — Это моя краюха! Я ее вчера заработал!

— Врешь, гаденыш! — рявкнул мужик и вырвал хлеб. — Ты у меня из амбара стащил! Я тебя сейчас выпорю до полусмерти, чтобы другим неповадно было!

Он швырнул мальчишку на землю и снял с пояса толстый, сыромятный хлыст. Собралась толпа. Мужики, бабы, ребятня. Все смотрели с мрачным любопытством. Никто не собирался заступаться.

Мальчик поднялся на локти, его глаза бегали по толпе, ища спасения. Их взгляд упал на меня. На мою непривычную для этих мест фигуру.

Что-то дрогнуло во мне. В этом мальчишке я увидела себя. Такое же отчаяние. Такая же беспомощность.

Я не думала. Я просто пошла вперед.

— Остановитесь! — сказала я громко.

Толпа замерла. Мужик с хлыстом обернулся, нахмурившись.

— Ты чё, барыня? Не твое дело.

— Я сделаю его своим делом, — ответила я, подходя ближе. Я старалась держаться прямо, хоть ноги и подкашивались. — Что он сделал?

— Хлеб стащил! — буркнул мужик. — Из моего амбара!

— Это неправда! — закричал мальчик с земли. — Я вчера дрова для него колол! Он обещал краюху! А сегодня говорит — не было ничего! Я взял свое!

Я посмотрела на мужика. На его красное, заплывшее лицо. На хлыст в его руке. Он не собирался слушать.

— Сколько стоит эта краюха? — спросила я.

Мужик ухмыльнулся.

— А вам-то зачем?

— Я спрашиваю: сколько? — повторила я, и в моем голосе зазвучали стальные нотки, которые я сама от себя не ожидала.

Он пожал плечами.

— Медяк. Но дело не в цене, барыня. Дело в принципе. Вора нужно наказывать.

Я открыла кошелек и вытащила мелкую серебряную монету. Ее хватило бы на десяток таких краюх.

— Вот. За хлеб. Отпустите его.

Мужик с жадностью посмотрел на монету, потом на мальчишку. Плюнул.

— Ладно. Забирайте свою дрянь. — Он схватил монету и сунул ее за пазуху. — Только чтобы я его больше здесь не видел!

Он развернулся и ушел, толкаясь сквозь толпу. Народ стал расходиться, бросая на меня косые взгляды.

Я подошла к мальчику. Он все еще сидел на земле, смотря на меня широко раскрытыми глазами.

— Вставай, — сказала я. — Как тебя зовут?

— Митька, — прошептал он, поднимаясь. Он был худой, но жилистый. Глаза умные, острые.

— Ты здесь один, Митька?

Он кивнул, опустив голову.

— Мамка померла зимой. Отца не было. Дядя Трофим приютил, да только кормить не кормит, а работу всякую гонит.

Я посмотрела на эту деревушку. На покосившиеся избы, на безнадежные лица. Здесь ему не выжить.

У меня в голове созрел план. Безумный, рискованный. Но других вариантов не было.

— Хочешь уехать отсюда? — спросила я.

Он резко поднял на меня глаза.

— Куда?

— Со мной. У меня поместье на севере. Работы будет много. Ничего не обещаю. Сама не знаю, что там. Но обижать не буду.

Он смотрел на меня, оценивая. Потом спросил:

— А вы кто будете?

— Я — госпожа Фрея. А там, в карете, моя служанка Грета и моя дочка. Решай быстро.

Он еще секунду колебался, потом резко кивнул.

— Пойду. Только вещей у меня нет.

— И не нужно, — сказала я. – Только сначала нужно в лавку. Припасов купить и тёплой одежды. Знаешь, где можно всё это приобрести?

Мальчишка кивнул и быстро повёл меня к лавке. Видно было – ему и самому оставаться в этой деревне не хочется. Гордый. Нищий, голодный, ободранный пацан, но унижение для него самое страшное наказание.

Знала я таких. Тяжело ему в жизни и мне с ним тяжело будет, но оставить его на растерзание тут я тоже не могла.

Я купила всё, что было нужно. Часть Грета подсказала. Ещё в карете. Часть Митька надоумил. Остальное сама.

К карете вернулись через час. Первым делом я отдала молоко Грете, чтобы накормить ребёнка. Потом сама переоделась. Тело всё ещё болело после тяжёлых родов.

Интересно, сколько времени с них прошло? Уже дней пять, наверное.

-- Садись на облучок. Поехали.

Мы вернулись к карете. Грета с удивлением смотрела на нового попутчика, но ничего не спросила. Митька ловко вскочил на козлы и взял вожжи. Оказалось, он умеет управлять лошадьми — помогал дяде Трофиму возить сено.

Мы тронулись, оставляя деревню позади. Я смотрела на спину Митьки, на его всклокоченные волосы. Я только что купила мальчика за серебряную монету. Как вещь. Но в этом мире, похоже, так и было принято. И по крайней мере теперь у меня был еще один человек, который, возможно, станет мне верен. И который умеет обращаться с лошадьми.

-- Митя, а ты знаешь что-нибудь про поместье Альмир? – спросила я на привале. – Сколько туда ехать?

Он почесал грязную макушку. Сплюнул на траву, подражая взрослым мужикам.

-- Два дня. Может три. – он поморщился, глядя на блоху в своей руке. М-да, работы предстоит много – А зачем вам туда? Имение же разрушено. Жить там нельзя.

5

Новость я приняла стойко. Если выбора всё равно нет, бесполезно горевать.

Либо мы едем в Альмир и стараемся устроиться там. Либо прямиком к моему муженьку, а потом в могилу.

Мы ехали еще двое суток. Дорога была плохой, карету кидало из стороны в сторону. Малышка, которую я назвала Линой, просыпалась и плакала. Ей было неудобно, голодно и страшно. Мне было ее жалко до боли в груди.

Но я не могла плакать. Потому что кроме Лины на меня смотрели еще двое подопечных.

Грета старалась быть полезной. Она качала Лину, когда я не могла. Делила скудный ужин — сухой хлеб и сыр, купленный в прошлой деревне. Она смотрела на меня с тихим доверием, и от этого становилось еще страшнее.

Митька молча сидел на козлах и правил лошадьми.

Он был как дикий звереныш — настороженный, готовый в любой момент убежать. Но он оставался. Потому что другого выбора у него не было.

А еще потому, что я дала ему хлеба. Настоящего, целую краюху. Он ел ее медленно, бережно, крошка за крошкой. И я видела, как в его глазах тает лед.

А еще была я. Тело, которое я носила, было слабым и непослушным. Оно болело после родов. Каждая кочка на дороге отзывалась тупой болью внизу живота. Кружилась голова. Руки дрожали от слабости.

Но это были не главные проблемы. Главная была — в чистоте. Вернее, в ее полном отсутствии.

После родов нужно было соблюдать гигиену. Но как это сделать в дороге? У нас не было ни тёплой воды, ни полотенец, ни сменного белья. Я чувствовала себя грязной, липкой. Это не только неприятно. Это было опасно. В этом мире, без антибиотиков, любая инфекция могла стать смертельной.

Я думала об этом всю первую ночь в дороге. Мы остановились на опушке леса. Грета уснула сразу. Митька устроился под каретой, завернувшись в старый кожух. А я сидела и смотрела на свой подол, испачканный в дорожной грязи и в крови.

И тут я вспомнила. Вспомнила не из своих знаний, а из знаний Фреи. В ее детстве была старая нянька, которая рассказывала сказки. В одной из них девушка, заблудившаяся в лесу, использовала мох. Мох-сфагнум. Он впитывает влагу, его использовали вместо бинтов. И еще — он обладал чем-то вроде целебных свойств. Не давал заводиться гнили.

Это было дико. Негигиенично по меркам моего старого мира. Но здесь, сейчас, это была единственная идея.

На следующей остановке, когда мы заехали в чащу, чтобы набрать воды из ручья, я осторожно спустилась с кареты. Ноги подкосились, но я удержалась.

— Грета, помоги мне собрать вот этот мох, — сказала я, показывая на мягкие зеленые подушки у корней сосен. — Тот, что светлее и рыхлее.

Грета смотрела на меня как на сумасшедшую.

— Зачем он вам, госпожа?

— Для чистоты, — коротко ответила я. — Собирай.

Мы набрали целую сумку. Мох был мягким, почти шелковистым. Пах лесом и сыростью. Потом, когда мы снова тронулись в путь, я задрала юбки и осторожно приложила пучок мха к телу. Он был холодным и влажным. Неприятно. Но через некоторое время стало легче.

Я объяснила Грете, что так можно ухаживать за собой в дороге. Она слушала, широко раскрыв глаза, потом кивнула.

— Бабушка моя так делала, — сказала она вдруг. — После того как родила. Говорила, мох от лихорадки бережет.

Значит, я угадала. В этом мире так делали. Просто знатная дама вроде Фреи об этом знала только со слов няньки.

Это открытие немного успокоило меня. Значит, я не сошла с ума. Значит, я начинаю понимать правила этого мира.

К концу вторых суток мы подъехали к последней деревне перед Альмиром. Она называлась Долгое. Была чуть больше предыдущей, но такая же бедная. Дым из труб висел низко, будто не хотел покидать это унылое место.

Мы остановились на окраине. У меня в кошельке еще оставались деньги от графа. Их было мало, но хватило бы на самое необходимое.

— Митька, оставайся с лошадьми, — сказала я. — Грета, пойдем со мной. Ребенка возьмем.

Мы вошли в деревню. На нас снова смотрели. Но на этот раз взгляды были не только настороженными. В них читалась жадность. Чужие, с каретой, хоть и потрепанной, — значит, деньги есть.

Я пошла прямо к самой большой избе, у которой висела вывеска с плохо нарисованным ковшом. Похоже, это была и лавка, и кабак.

Внутри пахло дегтем, квасом и немытыми телами. За грубым прилавком стоял толстый мужик с лысой головой и хитрыми глазками.

— Чего надо, барыня? — спросил он, оценивающе оглядев меня.

Я выложила ему список того, что прикинула в уме.

— Муку. Не меньше мешка. Овсяную крупу. Соль. Сухари, если есть. Сыр. Шерстяные одеяла — шесть. Свечи сальные, десяток. Огниво. И еще... — я сделала паузу. — Молоко есть? Свежее?

Мужик хмыкнул.

— Молоко есть. Но дорого. Корова зимой мало дает.

— Мне нужно каждый день. Надолго, — сказала я. — Или... козу продадите? Молочную?

Он задумался, почесав щетину на щеке.

— Коза есть у Мирона. Старая, но доит пока. Он продаст, если цена устроит.

— Ведите к нему.

Мы пошли за ним через всю деревню. За нами тянулась вереница любопытных ребятишек. Мирон оказался хмурым стариком с кривыми ногами. Его коза была тощей, серой, с умными глазами. Но когда он ее подоил, молоко оказалось густым и жирным.

Я поторговалась. Отдала за козу почти последние серебряные монеты. Но у меня не было выбора. Лине нужно было есть. А мое молоко так и не пришло.

Потом мы вернулись в лавку и закупили все остальное. Мужик заломил цены, но я стояла на своем. В конце концов он сдался, видя, что я не отступлю.

Мы вынесли мешок муки, крупу, свернутые одеяла. Митька помог все погрузить на карету. Козу привязали сзади на длинной веревке. Она шла покорно, только изредка блеяла.

— Теперь у нас есть все, чтобы продержаться первую неделю, — сказала я, оглядывая наше имущество. Оно умещалось в углу кареты, но казалось несметным богатством.

Мы поехали дальше. Дорога пошла в гору. Лес редел, вместо сосен появились корявые ели и голые скалы. Воздух стал еще холоднее. Мы двигались к северу. К Альмиру.

Я сидела в карете и смотрела на спящую Лину. Она прижалась к груди, ее дыхание было ровным. Теперь у нее есть молоко. А у нас есть еда и теплые одеяла. Мы выживем. Мы должны выжить.

Грета молчала. Она смотрела в окно, и я видела, как ее лицо напряглось.

— Что-то не так? — спросила я.

— Мы уже почти на месте, госпожа, — тихо ответила она. — Поместье... оно за следующим поворотом.

Я выглянула в окно. Дорога шла вдоль обрыва. Внизу шумела река. Небо было свинцово-серым. Казалось, вот-вот пойдет снег.

Карета медленно въехала на плоскую вершину холма. И перед нами открылась панорама.

Я замерла.

Это было поместье Альмир. Или то, что от него осталось.

Большой каменный дом стоял на краю пропасти. Когда-то он, должно быть, выглядел величественно. Сейчас он напоминал мертвого великана. Часть крыши обрушилась, открывая черные дыры чердаков. Окна были выбиты, из некоторых торчали обломки ставней. Стены оплетал густой плющ, который уже не украшал, а душил здание, словно пытаясь стянуть его в обрыв.

Рядом стояли полуразрушенные хозпостройки — конюшня с покосившейся крышей, сарай с провалившейся стеной. Дальше виднелся сад, но это были не ухоженные деревья, а дикие заросли, сплетенные в непроходимую чащу.

Вокруг царила мертвая тишина. Только ветер выл в разбитых окнах и свистел в щелях.

— Вот... наш новый дом, — прошептала Грета. В ее голосе не было радости. Только ужас.

Я вышла из кареты. Холодный ветер сразу обжег лицо. Я подошла к краю двора и смотрела на дом. Внутри все было темно. Ни огня, ни дыма из трубы. Ни единого признака жизни.

Митька подошел ко мне. Он смотрел на дом, потом на меня.

— Здесь жить? — спросил он просто.

— Да, — ответила я. — Здесь.

И в этот момент я поняла всю глубину своего безумия. Я привезла сюда ребенка, подростка и девушку. В дом без крыши, без окон, без тепла. Накануне зимы.

Но назад дороги не было. Только вперед. В эти холодные, темные стены.

— Разгружаем карету, — сказала я, поворачиваясь к ним. Голос мой звучал твердо, хотя внутри все сжалось в комок. — Ищем комнату, где целее всего крыша. Разводим огонь. Нам нужно успеть до темноты.

Мы принялись за работу. Митька пошел осматривать постройки. Грета взяла Лину и понесла ее в дом, стараясь укрыть от ветра. Я пошла за ними.

Внутри пахло плесенью, пылью и холодом. Пол в прихожей провалился в нескольких местах. С потолка свисали обрывки когда-то дорогих обоев. Везде валялся мусор — обломки мебели, битая посуда, сухие листья.

Дверь со скрипом захлопнулась за нашими спинами, над головой загрохотало.

6

Я даже присела, опасаясь, что это дом упадает нам на головы. Но ошиблась. Раздался ещё один раскат и я поняла – нас ждёт шторм.

В глубине дома мы нашли небольшую комнату. Возможно, это была когда-то кладовая. Ее стены были целыми, а крыша почти не текла. Окно было маленьким и высоким, но стекло в нем уцелело.

— Здесь, — сказала я. — Грета, принеси одеяла. Митька, ищи дрова. Сухие, какие сможешь найти.

Мы работали молча, словно боялись нарушить тишину этого места. Митька принес охапку поленьев из развалившейся кухни. Я развела огонь в камине, который оказался в углу. Пламя сначала коптило, потом разгорелось, отбрасывая дрожащие тени на стены.

К вечеру мы обустроили наш угол. Постелили одеяла на пол. Разложили припасы. Привязали козу в сенях, где был навес. Лошадей загнали в ту часть конюшни, где еще держалась крыша.

Мы сидели у огня и ели первую горячую еду — овсяную кашу на воде. Она была безвкусной, но теплой. Лина наконец-то наелась козьего молока и заснула у меня на руках.

Я смотрела на огонь и думала. Думала о том, сколько всего нужно сделать. Заделать дыры в крыше. Найти воду. Заготовить дров на зиму. Починить печь...

Список был бесконечным. А силы — на исходе.

— Завтра начнем, — сказала я вслух. — Сначала крыша над этой комнатой. Потом окна. Потом...

Мы легли спать. Вернее, упали от усталости на наши одеяла, разложенные у самой стены, подальше от возможных сквозняков. Грета устроилась рядом со мной, прижавшись спиной к холодным камням. Митька забрался на старый сундук в углу, завернулся в свой кожух и почти сразу засопел.

Я не могла уснуть. Тело ныло, каждый мускул кричал о перенапряжении. Но хуже была голова. В ней крутились бесконечные списки дел: крыша, дрова, еда, вода. Страх за Лину. Страх за этих по сути детей. Хотя они и считались взрослыми в этом мире.

Я лежала и слушала звуки дома. Он жил своей странной жизнью. Деревянные балки тихонько поскрипывали, словно вздыхали под тяжестью лет. Ветер гулял по пустым коридорам, завывая в щелях, как в флейте с дырочками. Где-то далеко, на втором этаже, что-то с мягким стуком упало

Я смотрела на потолок, на дрожащие тени от почти догоревшего камина. Мысленно возвращалась в свою старую жизнь.

В теплую однокомнатную квартиру, там пахло печеньем, мерцал экрана телевизора. Это казалось теперь не просто другим миром. Это казалось сладкой, невозможной сказкой.

Я закрыла глаза. Надо было спать. Завтра нужны силы.

И я провалилась в тяжелый, беспокойный сон, где это я падала с четвертого этажа, но вместо асфальта внизу меня ждали холодные камни Альмира.

Меня разбудил крик.

Не человеческий. Дикий, протяжный, полный такой тоски и ярости, что волосы на голове зашевелились. Он прозвучал прямо над нами, где-то на втором этаже, и раскатился эхом по пустым залам.

Я вскочила, сердце колотилось где-то в горле. В темноте, освещаемой лишь тлеющими углями, я видела, как метнулась и села Грета. Ее глаза были огромными от ужаса.

— Что это? — прошептала она, и ее голос сорвался.

Митька тоже вскочил с сундука. Он стоял, сжав кулаки, и смотрел в темный дверной проем. Он пытался казаться спокойным, но я видела, как дрожит его нижняя губа.

Крик повторился. Теперь он доносился из другого конца дома. Казалось, что это не один голос, а несколько. Они сливались в жуткий хор — визгливый, полный боли.

— Призраки, — прошептала Грета, и ее лицо побелело даже в полутьме. — Это они. Те, кто умер здесь. Они не могут найти покой. Я слышала истории… про это поместье. Говорили, здесь творились ужасные вещи.

Митька шмыгнул носом. Он выпрямил спину.

— Чего бояться? — сказал он сиплым от сна голосом. — Духи они и есть духи. Не трогают, если их не трогать.

Но он не убедил даже себя. Его глаза бегали по темным углам.

В этот момент Лина, разбуженная криками и нашим шепотом, зашевелилась в своей корзине, а потом залилась тихим, жалобным плачем. Этот звук разбавлял ночную жуть и делал ее невыносимой.

Паника, черная и липкая, попыталась подняться изнутри. Затопить разум. Кричать. Бежать. Но бежать некуда. Только в ночь, в лес, к волкам.

Я глубоко вдохнула. Пахло пылью, холодным камнем и дымом. Сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль была острой, реальной. Она вернула меня в тело. В эту комнату. Я была здесь главной. Значит, должна действовать.

— Грета, — сказала я тверже, чем чувствовала. — Успокой малышку. Возьми ее, покачай. Митька.

Он вздрогнул и повернулся ко мне.

— Успокой Грету. Расскажи ей… расскажи ей что-нибудь. Про свою деревню. Про что угодно. Только чтобы она не слушала эти звуки.

Он кивнул, сглотнув. Подошел к Грете, которая уже взяла на руки Лину и безуспешно пыталась ее укачать.

— Э, Грета, — начал он неуверенно. — У нас в деревне одна бабка тоже привидения видела. Так она их…

Я не стала слушать. Подошла к камину, раздула угли и зажгла одну из наших сальных свечей. Пламя задергалось, отбрасывая прыгающие тени на стены, и на миг стало еще страшнее. Свеча в моей руке дрожала. Я обхватила ее пальцами плотнее, чувствуя, как воск чуть теплится.

— Я осмотрю дом, — сказала я, больше для себя. — Сидите здесь. Не выходите.

Шагнула за порог нашей кладовой-спальни в черный проём коридора. Свет свечи отбрасывал крошечный, ненадежный круг. За его пределами царила непроглядная тьма. Воздух был ледяным. Каждый шаг отдавался гулким эхом по пустому дому.

Крики стихли. Но тишина, которая воцарилась, была еще хуже. Она была напряженной, выжидающей.

Я шла медленно, прижимаясь спиной к стене. Под ногами хрустел мусор — щепки, обломки штукатурки, сухие листья. Я всматривалась в темноту, ожидая увидеть пару горящих глаз, бледный силуэт… ничего. Только груды хлама, очертания разрушенной мебели, похожие на спящих зверей.

Я подошла к основанию большой лестницы, которая вела на второй этаж. Ее перила давно сгнили, несколько ступеней отсутствовали. Я подняла свечу выше, пытаясь разглядеть верхнюю площадку. Там было черно.

И тут раздался новый звук. Не крик. Короткий, яростный, шипящий визг. Прямо над моей головой.

Я аж присела, едва не уронив свечу. Сердце застучало. И тогда я увидела его.

На площадке лестницы, сидел кот. Огромный, матерый, рыжий кот с рваным ухом и дикими зелеными глазами. Он выгнул спину и снова зашипел на меня, показывая желтые клыки. А потом открыл пасть и издал тот самый многострадальный, воющий крик, от которого у нас кровь стыла в жилах.

Облегчение хлынуло на меня такой волной, что у меня подкосились ноги. Я прислонилась к стене и засмеялась. Тихим, срывающимся, истеричным смехом.

Призраки. Духи. Проклятие Альмира.

Это всего лишь огромный рыжий кот, застрявший в развалинах и оравший от голода и злости.

— Вот и все твои привидения, Грета, — прошептала я в пустоту, вытирая внезапно навернувшиеся слезы.

Кот, увидев, что я не нападаю, перестал шипеть. Он внимательно, с высоты, разглядывал меня и мою свечу. Потом небрежно лизнул лапу.

Я вздохнула и решила подняться немного, чтобы рассмотреть его получше и понять, как он тут оказался. Свечу я подняла еще выше, обходя провалы в ступенях.

И тогда свет упал на стену рядом с лестничной площадкой. Туда, где когда-то, должно быть, висели портреты предков. Сейчас там болталась только одна рама, криво прибитая. Полотно внутри было темным, покрытым паутиной и пылью. Но лица еще можно было разглядеть.

Я подошла ближе, заслоняя свечу рукой от сквозняка.

На портрете было двое мальчиков. Лет десяти и семи, не больше. Они стояли рядом в богатых, но неудобных нарядах, с серьезными лицами.

Младший был красив, как ангел. Светлые, почти белые кудри, большие голубые глаза, тонкие, правильные черты. Маленькая копия того, кто с холодным взглядом смотрел на новорожденную дочь и отдавал приказы о ее убийстве.

Вольдемар.

Узнать его было легко. В этих глазах уже читалась та же холодная убежденность, то же высокомерие.

Но мой взгляд притянул другой мальчик. Тот, что был старше. Он стоял чуть позади, его рука лежала на плече брата. Он не был красавцем. Лицо уже обещало быть угловатым, с крупным носом и резкими скулами. Темные, непослушные волосы.

И глаза… Глаза были совсем другими. Не голубыми, а какими-то темно-синими, как глубокая ночная вода. И в них не было ни высокомерия, ни холодности. Только усталость. Не детская усталость от долгих тренировок.

Я замерла, вглядываясь в это лицо. Мое сердце, только что успокоившееся, снова забилось, но уже по-другому. Не от страха. От странного, щемящего любопытства.

Кто это? Неужели… брат? Тот самый Севверин, который был на войне, за спиной которого стояла Светлая богиня?

Глаза на портрете, казалось, смотрели прямо на меня. Но это же было невозможно.

Снизу донесся приглушенный голос Митьки, что-то рассказывающий. А потом звонкий голосок Греты:

-- Прекрати! Так ещё хуже!

Я улыбнулась. Повернулась к коту.

- Ну, пойдём. Покормлю тебя, раз пришёл. – вздохнула я и пошла на звуки разгорающегося спора.

7

Первое утро в Альмире встретило нас ледяным молчанием. Я проснулась от холода. Угли в камине давно погасли, тонкие одеяла не спасали. Лина спала у меня под боком, ее дыхание было ровным и горячим.

Рядом с ней лежал кот. В лучах света он выглядел ещё хуже, чем вчера ночью.

Грета и Митька свернулись в комки, стараясь сохранить тепло.

Я лежала и смотрела в потолок. Тусклый серый свет пробивался через маленькое окно. На душе было пусто и тяжело. Но лежать дольше было нельзя. Каждая минута покоя отнимала тепло и силы.

Я осторожно встала, укутала Лину в свое одеяло и положила ее в корзину. Рыжий кот встал. Потянул переднюю лапу. Одну, потом другую. Встал в стойку и вытянулся во всю длину. Неспешно прошёлся, забрался в корзину к ребёнку. И спрятал мордочку в своём хвосте.

Сначала хотела его пригнать, но оставила. Так малышке будет теплее.

Мои движения разбудили Грету. Она открыла глаза, села и тут же обхватила себя руками.

— Холодно, — просто сказала она, и ее голос дрожал.

— Знаю. Надо действовать. — Я подошла к окну, протерла стекло рукавом. Снаружи лежал густой, молочный туман. Скалы и ели утонули в нем.

Первым делом я развела огонь. Митька принес еще вчерашних поленьев. Пламя ожило, затрещало, и комната наполнилась скупым теплом и светом. Мы собрались у камина, грели окоченевшие руки.

— Сегодня моем нашу комнату, и сами тоже помоемся — объявила я. — Нельзя жить в такой грязи. Грета, ты со мной. Найдем ведро, тряпки. Митя.

Он поднял на меня ожидающий взгляд.

— Собирай хворост, валежник, все, что горит. Бери кобылу, впряги ее в старые оглобли от разваленной телеги. Нам нужны целые горы дров. Скоро ударят морозы, и мы замерзнем здесь за одну ночь, если не подготовимся.

Митька кивнул серьезно. Работа ему была понятна.

-- В лесу много сушняка, — сказал он. — Натаскаю.

После скудного завтрака — сухари и кружки с веточками можжевельника — мы разошлись. Митька ушел в туман, ведя за собой нашу тощую клячу. Грета и я остались.

Мы нашли в одном из полуразрушенных чуланов жестяное ведро. Нашли несколько грубых, но крепких тряпок, похожих на остатки мешков. Набрали воду в колодце во дворе, хоть и с трудом. Старый журавль находился в плачевном состоянии. Вода была ледяной и пахла железом.

Мы начали с нашей комнаты. Я, еще слабая, могла только стоять на коленях и оттирать пол у стены. Грета работала активнее. Она вымела горы пыли и паутины, выбросила сгнивший хлам. Мы вытащили на улицу все, что не представляло ценности. Комната оказалась чуть больше, чем казалось в темноте.

Потом мы принялись за стены. Грязь въелась в камень, но мы терли. Вода в ведре быстро становилась черной. Руки у нас замерзли, покраснели, но мы не останавливались. Было странное, почти жестокое удовольствие в этой работе. Мы не просто убирались. Мы отвоевывали у старого дома крошечный кусочек жизни.

К обеду Митька вернулся с первой партией хвороста. Он нагрузил им целую гору на самодельные салазки. Мы похвалили его. Его щеки покраснели от мороза и добрых слов.

После короткого перерыва мы снова взялись за работу. Я отправилась на разведку в другие, менее разрушенные комнаты. Держа перед собой свечу, я шагала через пороги, обходила провалы в полу.

И нашла клад.

В одной из комнат, должно быть детской, стояла колыбель. Не простая деревянная, а резная, с потускневшими посеребренными украшениями. В ней лежал истлевший балдахин, но сами деревянные планки были целыми и крепкими. Сердце у меня екнуло. Лине нужна была своя кроватка, а не корзина на полу.

Рядом, в огромном дубовом сундуке, я нашла перины. Их было три. Они пахли пылью и временем, но наволочки из грубого льна уцелели. Я вытащила их на свет, отряхнула. Наполнитель был епонятно какой, возможно, пух или шерсть. Но они были тяжелыми и теплыми.

А еще были стулья. Простые, но крепкие. Маленький овальный стол с одной шатающейся ножкой. И в буфете с разбитыми стеклами — кухонная утварь. Чугунный котелок с толстым дном. Деревянные миски и ложки, почерневшие от времени, но целые. Несколько жестяных кружек.

Я повала Грету, и мы вдвоем затащили находки в нашу комнату. Каждый предмет был победой. Каждый делал наше существование здесь чуть более простым, чуть менее диким.

К вечеру комната преобразилась. Пол был относительно чист. У стены стояла колыбель, я застелила ее одним из своих платков.

Рядом громоздились две перины — одна для меня с Линой, другая для Греты. Третью я отложила для Митьки. У камина стоял наш стол и два стула. На столе лежали миски и ложки. В камине потрескивали сухие дрова.

Мы сидели за столом и ели похлебку из овсяной крупы и кусочков солонины. Она была горячей и сытной. Митька, уставший, но довольный, хвастался, что нашел целую поленницу полузасыпанных, но сухих дров у дальнего сарая.

Я смотрела на них — на Грету, осторожно кормящую Лину из рожка, на Митьку, который жадно хлебал свою порцию. На стены, которые уже не казались такими враждебными. Впервые за много дней во мне шевельнулось что-то похожее на надежду. Маленькую, робкую. Мы смогли это. Мы обустроили угол. Мы прожили этот день.

А вечером я втёрла в волосы Митьки масло, купленное в деревне. Завернула голову в ненужную холстину и заставила так сидеть целый час. Он пытался сопротивляться, но я быстро ему объяснила, что нам живность не нужна.

Он ещё побурчал и смирился.

В небольшом тазу мы с Гретой впервые искупали малышку. Почистили мех, на котором она лежала. Перестирали все пелёнки. Не просто сполоснули, а хорошо выстирали с золой.

Кое-как по очереди помылись сами. И без сил повалились спать.

Так прошла неделя.

Каждый день был битвой. Мы просыпались на рассвете.

Митька шел за дровами или пытался чинить то, что можно было починить — укреплял расшатанную дверь, забивал досками самые зияющие дыры в стенах нашей комнаты.

Я и Грета продолжали наводить порядок. Мы отыскали еще одеял, несколько потрепанных, но целых простыней. Нашли даже старый, высохший кусок мыла — роскошь невероятная.

Мы вымыли нашу комнату до скрипа. Расставили утварь по полкам, которые сами же сколотили из обломков. Лина теперь спала в своей колыбели, и я впервые за долгое время могла вытянуться во весь рост на своей перине.

Но с каждым днем наше продовольствие таяло. Мы экономили, но мука в мешке опустилась опасно низко. Крупа заканчивалась. Сыр съели. Остались только сухари, да и тех было на пару дней. Коза доилась, но все молоко уходило на ребёнка.

Я считала припасы вечером седьмого дня, сидя у жаровни. Цифры были безрадостными. Еды осталось дня на три. Потом — голод.

Паника, знакомая и липкая, снова подползла к горлу. Мы выиграли битву с холодом и грязью, но проигрывали войну с голодом. Что делать? Идти в ту же деревню? Но денег почти не осталось. Их нужно беречь.

Можно было пытаться ловить рыбу в реке внизу. Но у нас не было снастей. Да и осень, вода ледяная.

Можно было собирать грибы в лесу. Но я почти не разбиралась в местных, а ошибиться означало отравить всех.

Мысли кружились, как осенние листья, не находя решения. Я смотрела на спящую Лину, на ее пухлые щечки. Она поправилась за неделю на козьем молоке. Несмотря на обстановку, окрепла.

Кот постоянно ошивался рядом с малышкой. Ложился с ней в люльку, смотрел как она спит. Уходил только ловить мышей, но быстро возвращался.

Вот и сейчас он повернул ко мне свою наглую рыжую морду и довольно зевнул, демонстрируя свои острые зубы.

Грета что-то шила, чиня свой порванный плащ. Митька точил на камне старый нож, который нашел в сарае — тупой и ржавый, но он гордился им. Они доверяли мне. Они ждали, что я найду выход.

А я не знала как это сделать.

Я вышла из комнаты, чтобы подышать. Ночь была ясной и морозной.

Нужно было думать, как дикарь. Как животное, которое хочет жить. Завтра с утра — в лес. Смотреть, искать, пробовать. А еще…

Я вспомнила про дальние постройки. Про тот сарай, где Митька нашел дрова. Там могло остаться что-то еще. Старые запасы. Заброшенный погреб. Надо было обыскать все, каждый угол.

Возможно удастся что-то найти.

8

Сети нашли на чердаке, в старом сундуке, заваленном лохмотьями. Сундук пах плесенью и пылью. Митька вытащил их с осторожностью, будто это были паутины какого-нибудь огромного паука.

Комок мотков и поплавков, перепутанных в один большой, тугой узел не внушал оптимизма. Он растерянно держал эту груду в руках.

- Что с этим делать? – спросил он, в его голосе слышалась беспомощность.

Странно, я думала мальчишки бегают рыбачить при любом удобном случае.

- Ты разве не рыбачил? У себя в селе?

Он помотал головой.

- Нет, госпожа. Отец лупил, если я убегал.

Я взяла узел из его рук. Пальцы сами вспомнили жесткое прикосновение мокрого льна, вес свинцовых грузил.

Пахло не чердаком. Пахло рекой, туманом и тиной. Пахло давно ушедшими днями, когда мой первый муж, будил меня затемно.

«Фроська, вставай! Рыба ждать не будет!». Мне не нравилось, когда он так сокращает моё имя. Но с глухим раздражением я научилась мириться.

А зря.

Я ехала с ним не от скуки, а от желания сохранить наш брак. Мне казалось, рыбалка связывает нас вместе.

Но потом до меня дошло: рыбалку мой муж любил больше, чем меня.

Сначала я просто сидела на берегу, куталась в платок и смотрела, как он, сосредоточенный и молчаливый, возится со своими удочками, наживками, крючками, сетями. Потом стала подавать ему наживки.

Потом он, хмурясь, стал объяснять, как отличить хорошее место для закидки сетей и удочек от плохого. А однажды, когда его срочно вызвали в город, я осталась одна и сама проверила сети. И вытащила трех жирных лещей. Помню, как он потом смеялся, глядя на мой улов.

Эта память пришла внезапно, ярко, как вспышка летней молнии. И тут же потухла, оставив во рту горьковатый привкус.

Мы развелись зимой. Со скандалами и делёжкой имущества.

- Надо их распутать, – сказала я Митьке. – Я покажу тебе, как их ставить

Он с недоверием посмотрел, но ничего не сказал. И правда, откуда княжна Фрея могла знать, как пользоваться сетями?

Мы просидели над этим клубком весь вечер. Грета укачивала малышку, а мы с Митькой, при свете сальных свечей, разбирали узлы.

Он был терпеливым учеником. Руки у него сильные, но неловкие, они рвали тонкие нити. Он хмурился, кряхтел, но не бросал.

Потом я объяснила, как вязать порванные ячейки. Показала узел, которому научил меня муж.

- Рыбацкий узел, – сказала я. – Он крепкий и развязаться не должен.

Митька повторял за мной, и его тонкие, подростковые пальцы постепенно обретали сноровку.

На следующее утро мы пошли к реке. Я выбрала место – тихую заводь под старой ольхой, где вода была темной и спокойной. Вместе с Митькой зашли в ледяную воду. Дно было илистым, ноги утопали.

От ледяной воды сводило мышцы на ногах. Обжигало кожу. Пальцы не гнулись, но мы упорно продолжали, ведь от этого зависило наше выживание.

Я растянула сеть, показывая, как пускать ее вдоль течения, как закреплять колья.

- Рыба должна запутаться, а не упереться в стену, – говорила я, а слова сами лились из какой-то глубокой памяти. – Ставь против ветра. Рыба ветер чует.

Мы поставили две сети. Митька молчал. Я видела как ему тяжело, но он упорно сжимал зубы и продолжал. На его лице было то самое выражение серьезного усердия, которое я уже успела узнать.

Проверять пошли на следующий день. Идти к реке я нервничала, но старалась не показывать этого. Вдруг ничего нет? Вдруг я все забыла, выбрала плохое место? Но когда Митька стал вытаскивать первую сеть, она тяжело заходила у него в руках, заблестела чешуей.

Это был не просто улов. Это было богатство. Пять крупных язей, десяток плотвиц, два налима. В этом участке реки давно никто ничего не ловил. Вот рыба и развелась.

Митька вытащил последнюю рыбину и засмеялся. Звонко, по-детски. Я не слышала, чтобы он так смеялся.

- Получилось, госпожа Фрея! Гляди!

Мы несли добычу домой, как самую большую в мире драгоценность. Грета ахнула, увидев полную корзину.

Теперь рыбу нужно было сохранить. Соли мы нашли целый глиняный кувшин на кухонной полке. Соль была крупная, серая, но это было лучше, чем ничего.

С Гретой мы принялись чистить и потрошить рыбу. Кот, наш полосатый страж, крутился под ногами, требуя свою долю – головы и потроха.

Он подобрел и лоснился, шерсть его стала густой и блестящей. Он уже не смотрелся голодным оборвышем, а выглядел важным домовитым хозяином, который милостиво позволяет нам жить под его крышей.

Часть рыбы мы засолили в бочонке. Другую – нанизали на прутья и развесили в специальной пристройке, где гулял сквозной ветер.

Я смотрела на них и думала: это дни. Каждая рыбина – это день, когда мы не будем голодать, если зима окажется лютой и реку скроет толстый лед.

Жизнь вошла в новую колею. Пока я возилась с рыбой, Грета и Митька ходили в лес. Они возвращались с лукошками, полными сизой голубики и рубиновой клюквы. Последний урожай уходящего лета.

Руки и губы у них были вымазаны соком.

Я расстилала чистую холстину на столе и рассыпала ягоды тонким слоем. Сушила их на печи, потом пересыпала в холщовые мешочки. Эти мешочки, вместе с сушеной рыбой и грибами, складывались в погреб. Наша кладовая понемногу наполнялась. Каждая банка, каждый мешок успокаивали перед холодной зимой.

Целый месяц так и прошел – в трудах, в этой спокойной, методичной подготовке к холодам. Мы уставали, но это была хорошая усталость. Малышка росла не по дням, а по часам.

Она уже пыталась переворачивалась на одеяле, раскинутому на полу, и кот бдительно дежурил рядом, оглушительно мяукая, когда дочь приближалась к краю. Иногда она хватала его за хвост, он фыркал, но не шипел и не убегал. Терпел.

Казалось, мы нашли спокойствие. Маленький, хрупкий, но свой мир.

В тот день светило редкое для поздней осени солнце. Воздух был холодным, прозрачным, пахло прелой листвой и первым ледком. Малышка капризничала в доме, и я решила вынести ее на улицу, подышать. Завернула ее потеплее, в овечью шкуру, и вышла во двор.

Лес без ухода приблизился к поместью и смешался с садом.

Прошлась к краю леса, где росла рябина с яркими, еще не осыпавшимися гроздьями. Хотела сорвать немного – вроде, ягоды от лихорадки помогают.

Я стояла под деревом, одной рукой держа дочь, другой срывая ягоды, и тихо напевала ей. Она успокоилась, смотрела на красные гроздья большими, ясными глазами.

И вдруг я почувствовала за спиной тишину. Ту самую, густую, звенящую тишину, которая падает на лес перед бедой. Птицы замолчали разом.

Я медленно обернулась.

Из-за темного ствола старой ели, в двадцати шагах от нас, вышел волк.

Серый, огромный. Мороз прошелся у меня по коже. Это был не просто волк. Он был размером с годовалого теленка. Вожак.

Шерсть на его загривке стояла дыбом, желтые глаза, холодные и плоские, смотрели прямо на меня. Вернее, через меня. На овечью шкуру в моих руках. На мою дочь.

Он вышел бесшумно, как призрак. Ни одна ветка не хрустнула под его лапой. Он замер, оценивая расстояние. Губы чуть оттянулись, обнажив длинные, желтоватые клыки. Из пасти вырвалось короткое, глухое рычание.

Время остановилось. В голове пульсировала только одна мысль: дом далеко. Кричать бесполезно. Бежать не смогу. Дочь оттягивает руки.

Я прижала ее к себе, почувствовав, как бьется ее маленькое сердечко. Волк сделал первый, осторожный шаг в нашу сторону.

9

Я даже не увидела, откуда он взялся. Только мелькнула в воздухе рыжая полосатая молния, и между мной и волком с глухим ударом приземлился кот.

Он казался вдвое больше своего обычного размера. Шерсть стояла дыбом, спина выгнулась дугой, а хвост был толстым, как еловая шишка. Он шипел так, что у меня в ушах зазвенело.

А потом кот заорал, завизжал яростно, защищая нас.

Волк от неожиданности отпрыгнул назад. Присел на задние лапы, удивленно склонил голову. Видимо, он ждал страха, а не этого безумного шипящего комка, который бросался ему в морду.

Кот не нападал. Он стоял как скала между нами и зверем, не отступал ни на шаг. И дико, истошно кричал. Волк фыркнул, сделал шаг вперед. Кот прыгнул ему навстречу, ударил лапой по носу, быстрее, чем я успела моргнуть.

Волк взвыл от боли и ярости. Но и от растерянности тоже. Добыча уходила. Это был его шанс. А кот защищал свою территорию.

Этой секунды мне хватило. Я рванулась к дому.

Ноги стали ватными, сердце колотилось в горле. Я бежала, не чувствуя под собой земли, прижимая к груди дочь, которая начала пронзительно плакать.

Я не оглядывалась. Слышала за спиной только еще один рык волка и яростное кошачье шипение.

Ворвалась в холл, уронила засов на дверь и прислонилась к ней спиной. Только тогда я смогла перевести дух. Колени дрожали. Малышка ревела, испуганная и моей паникой, и резким движением. Я стала качать ее, бормотать что-то успокаивающее, но голос срывался.

Через некоторое время в дверь поскребли. Я вздрогнула, прижалась к стене. Но за дверью раздалось знакомое, требовательное мяуканье. Я отодвинула засов на щелочку.

В проем протиснулся наш кот. Он вошел важно, как полководец после битвы. Шерсть его еще была слегка взъерошена, но он уже не шипел. Он подошел к моим ногам, потерся о сапоги, громко замурлыкал, будто говорил: «Ну? Все живы? Я справился». Потом ушел к печи, свернулся клубком и закрыл глаза. Дело сделано.

Вечером, когда вернулись Грета с Митькой, я рассказала им о волке. Митька сразу схватился за топор.

- Надо его найти. Пока он не привел других, – сказал он, и в его глазах засветилась не детская суровость.

- С ума сошёл? – остановила я его. – Ночь на носу. Там может целая стая уже собралась!

Эта встреча напомнила мне, как хрупко наше благополучие. Я отвлеклась на быт, на запасы, и забыла, что живу теперь на краю дикого леса, где свои законы. Расслабляться нельзя. Ни на миг.

Мой мир, в котором я была в безопасности остался в прошлом. Нужно учиться выживать в этом, если хочу жить.

Хотя старая жизнь с каждым прожитым здесь днём казалась мне всё более и более далёкой. Словно это было в каком-то фильме, а не в реальности.

Встреча с волком напугала. А ещё дала понять - если взрослый человек ещё что-то может противопоставить опасности, то малышка абсолютно беззащитна.

Для неё нужно создать безопасное пространство.

Той же ночью, когда малышка заснула, а Митька устроился на своей перине, я поговорила с Гретой.

- Нам с дочкой нужно отдельное место, – сказала я тихо. – Делить всем вместе комнату уже неудобно.

Грета кивнула. Она все понимала без лишних слов.

- На первом этаже есть маленькая комната, гостевая, рядом с кухней, – сказала она. – Там сыро, но печную трубу от кухни можно развести. Окошко маленькое, его легко прикрыть. Почистим, протопим.

Что-то внутри перевернулось. Я ведь княжна! Настоящая Фрея пришла бы в ужас от такой перспективы, но Ефросинья понимала – чтобы жить долго и счастливо нужно сначала выжить. А уж потом создавать условия и задирать нос.

На следующий день мы начали расчищать комнату. Это была каморка, заваленная старыми поломанными стульями, пустыми бочками и тряпьем. Мы с Гретой выгребли все, вымыли стены и пол.

Митька нашел в сарае лишнюю железную заслонку и приладил ее к печной трубе, чтобы можно было греть нашу новую комнатку. Пол мы застелили старыми, но чистыми половиками, а в углу встала кровать. Мы притащили с чердака пару старых, но крепких сундуков для вещей.

Было тесно, но уютно и, главное, безопасно. Дверь была толстая, с крепким засовом изнутри.

Пока мы обустраивались, я поднялась на чердак еще раз, поискать хоть какую-то ткань для занавески на маленькое окошко. И нашла не тряпки, а целый сундук платьев. Они лежали под холстом, аккуратно сложенные, пересыпанные сухой лавандой и полынью от моли.

Платья были старые, из добротного бархата, шелка и узорчатой камки, но цвета еще не выцвели. Мода давно ушедших лет. Это, должно быть, вещи бабки или даже прабабки Герхарда. Их никто не выбросил, но и не носил.

Я притащила сундук вниз. Мы с Гретой разобрали находку. Ткани были крепкими. Мы распороли несколько самых пышных платьев. Из темно-зеленого бархата я сшила себе практичную теплую юбку и безрукавку.

Из голубого шелка получилась пеленальная простыня и чепчик для малышки. Грета, которая оказалась мастерицей на все руки, переделала вишневую камчатую робу в красивую и теплую кофту для себя.

Мы не шили наряды для балов. Мы шили одежду для тепла, но из красивых, прочных тканей. Это придавало им странное очарование.

Будто мы не просто выживали, а начинали потихоньку отвоевывать у запустения часть прежней, упорядоченной жизни.

А потом пришла зима. Настоящая, северная. Она навалилась на мир белым, беззвучным саваном. Снег шел неделями. Он занес дороги, замел следы к реке, нарисовал причудливые скульптуры на елях. Ветер выл в печных трубах.

Мы жили в своем маленьком теплом мире.

Продолжали разбирать хлам в доме. В печь шли обломки мебели. Всё, что можно было починить, Митя чинил. С каждым разом у него получалось всё лучше и лучше.

В тепле и ласке он словно расцвёл.

Дом задышал свободой, когда мы его освободили от мусора и обломков прежней жизни.

Четыре долгих месяца мы жили запасами. Рыба, грибы, ягоды, крупа из амбара – все шло в дело. Митька не сидел сложа руки. Он смастерил из проволоки и веревок силки и, после долгих проб и ошибок, начал приносить зайцев. Тощих, зимних, но это было свежее мясо, праздник.

Получив добычу в первый раз по телу прошла волна крупных мурашек. Я никогда не разделывала мясо и не свежевала тушки. Для городского жителя это морально тяжело.

Дети списали такую реакцию на признак голубой крови.

Меня они воспринимали княжной.

Но стиснув зубы, я всё же взялась за работу.

Мясо поможет нам выжить, а малышке нужно набирать вес. Одного козьего молока ей уже недостаточно.

Мы варили наваристые бульоны, тушили мясо с сушеными кореньями. Грета пекла в печи пресные лепешки из муки, за которой мы съездили перед самой зимой.

На пару мешков потратив все оставшиеся деньги.

Дни тянулись долго. Темнело рано. Мы сидели у печи, я иногда читала вслух старые книги, которые находила в кабинете. Учила рету и Митьку грамоте.

Грета пряла шерсть из старого запаса, который тоже отыскался. Митька чинил то, что ломалось, или вырезал из дерева ложки и миски.

Малышка училась сидеть, ползать, а кот был ее неизменной нянькой и грелкой.

В один из таких вечеров, когда вьюга особенно яро била в ставни, я взяла с полки в кабинете толстый фолиант в потертой коже. На корешке золотом, почти стершимся, было вытеснено: «Летопись рода Герхардов, верных слуг Короны и Империи».

Я открыла ее из любопытства, от скуки. А начала читать – и забыла про все.

Там была не просто история. Там было объяснение. Письмена говорили, что первый Герхард, простой лесной охотник, в годы Великой Смуты спас жизнь молодому императору, заблудившемуся на звериных тропах.

И не просто спас. Он проявил «необычайную врожденную магическую силу, коей усмиряются дикие твари». За верность и эту силу император пожаловал ему и его потомкам эти земли – в вечное владение, с титулом князей Северных Рубежей.

Защищаться тут особо не от кого. С севера никакого государства не было. А вот на южных границах всегда неспокойно. С тех пор род исправно поставлял воинов для короны.

И дальше, на многих страницах, тянулась летопись. Рождались сыновья, воевали, правили. И в каждом поколении подчеркивалось: княжеская магия, дар крови, передается только по мужской линии.

И не каждому сыну. Магия может проявиться в одном из братьев, а может и через поколение перепрыгнуть. Но править, быть великим князем Герхардом, имеющим власть над этими лесами, может только тот мужчина в роду, кто одарен этой силой. Остальные – просто аристократы, но не истинные хозяева земли.

Я закрыла книгу. Руки у меня похолодели. В голове все встало на свои места с ужасающей ясностью.

Мой муж, Герхард, не был магом. В книге о его рождении была лишь сухая строчка. Ни слова о даре. Он не был правителем. А настоящим князем, наследником магии, являлся… его старший брат. Севверин.

Но почему-то Фрея думала иначе. Мерзкий Вольдемар сумел её убедить, что она станет великой княжной Герхард родив наследника. Её воспоминания и знания переплетались с моими мыслями, создавая путаницу.

Значит, титул, власть, эта самая «сила крови» должны были перейти к сыну великого князя. Зачем тогда моему мужу был так нужен наследник?

Если его собственный сын, даже если бы он родился, не мог бы стать настоящим князем в глазах рода и, видимо, империи? Чтобы удержать власть в своей ветке семьи? Чтобы попытаться обойти древний закон? Или…

Мысли путались. Но одно было ясно: меня, точнее Фрею, использовали в какой-то тёмной игре. И она уже стала жертвой этой игры.

Эти мысли не давали мне покоя всю оставшуюся зиму. Я наблюдала за падающим снегом и думала о законах, о силе, о крови. О том, что я замужем за человеком, который просто использовал меня и выкинул как вещь, когда я оказалась ненужной.

Хорошо, что ничего не длится вечно.

Зима начала сдавать позиции. Снег потемнел, стал оседать. С крыш закапало. В лесу солнце протапливало всё больше проталин. Мы с облегчением считали дни до настоящей оттепели. Запасы подходили к концу, но мы пережили зиму.

И вот в один такой день, когда солнце впервые по-настоящему пригрело крыльцо, а воздух пах талой землей и свободой, раздался стук в дверь.

Твердый, размеренный, чужой.

Мы замерли. Я, Грета и Митька переглянулись в настороженной тишине. Кот на лежанке поднял голову, насторожил уши. Малышка в колыбели тихо агукнула.

Стук повторился. Неторопливый, но настойчивый.

10

Стук повторился. Твердый, размеренный, он прозвучал в тишине нашего убежища, как удар колокола. Я замерла, прижимая к себе спящую Лину. Сердце пропустило удар, потом заметалось где-то в горле.

Грета побелела, выронила штопку. Митька, сидевший у печи с ножом и деревянной заготовкой, напрягся всем телом. Кот на лежанке поднял голову, насторожил уши.

— Ни звука, — одними губами приказала я. Передала спящую дочку Грете, кивнула на дверь. — Идите в мою комнату и запритесь на засов. Оба. И не выходите, что бы ни случилось.

Слабая защита. Умом я это понимала. Любую каморку можно взять измором.

Они подчинились без слов. Я подождала, пока за ними закроется засов, глубоко вздохнула, пытаясь унять дрожь в коленях, поправила платье и пошла открывать.

Солнце ударило в глаза. После полумрака нашей комнаты весенний свет показался нестерпимо ярким. Я зажмурилась, а когда проморгалась, увидела его.

Он стоял на пороге, заполняя собой весь проем. Высокий, широкоплечий, в темном дорожном плаще, забрызганном грязью. За его спиной фыркал и перебирал копытами огромный вороной конь, настоящий зверь, а не наша заморенная кляча.

Но не рост и не конь заставили мое сердце пропустить удар. Я смотрела в его лицо.

Оно было грубым, высеченным из камня северными ветрами. Резкие скулы, крупный нос, темные, почти черные волосы, падающие на лоб. И глаза... Глаза были не карими и не голубыми. Они были желтыми. Настоящего, дикого, янтарного цвета. Как у волка, которого я встретила в лесу. В них горел холодный, недоверчивый огонь.

Красивый. Страшный своей суровой, звериной красотой.

— Княгиня Фрея? — спросил он. Голос низкий, спокойный, без тени подобострастия.

Я кивнула, боясь вымолвить хоть слово. Горло перехватило ледяным спазмом.

Его взгляд скользнул по мне, по моему платью, перешитому из бабкиного бархата, по грубым сапогам на ногах, по чистому фартуку. В его глазах мелькнуло удивление.

— Меня зовут Рагнар. Я служу вашему мужу, князю Вольдемару. — Он говорил ровно, словно докладывал обстановку. — Ехал мимо, решил проведать, как вы устроились. Дорога дальняя, позволите отдохнуть?

Он спросил вежливо, но это не было просьбой.

Я отступила на шаг, пропуская его внутрь. Что я могла сделать? Захлопнуть дверь перед носом у этого великана? У него, наверное, и меч под плащом. И лук в седле.

Он вошел, и наша комната сразу стала тесной, маленькой, жалкой. Он осматривался. Медленно, внимательно, не пропуская ни одной детали.

Его взгляд скользнул по колыбели, где днём спала Лина. По жаровне с углями. По нашему столу, грубо сколоченному из старых досок. По мискам на полке.

Кот на лежанке следил за ним желтым, немигающим взглядом.

Рагнар усмехнулся, заметив кота.

— Хозяйством обзаводитесь, — заметил он. Не вопрос — утверждение.

Я промолчала. Молчание было моим единственным оружием.

Он подошел к окну, выглянул наружу, будто оценивая, далеко ли до леса. Потом повернулся ко мне.

— Одна? — спросил он. — Без слуг?

Почему-то мне показалось, что вопрос чисто формальный. Он всё и без меня знал.

— Служанка в чулане, — ответила я. Голос прозвучал хрипло, пришлось откашляться. — Ребенок спит. Мальчишка помогает по хозяйству.

— Мальчишка, — повторил он. В его голосе мелькнуло что-то похожее на насмешку. — Тот самый, которого вы купили в деревне за медяк?

Меня бросило в холод. Откуда он знает? Неужели следил? Или расспрашивал в Долгом?

— Он помогает, — повторила я упрямо. — Лошадей запрягает, дрова носит.

Его взгляд скользнул по сушёной рыбе на столе.

— Дрова носит, — эхом отозвался Рагнар. — А сети ставит тоже он? Или вы сами рыбу ловите, княгиня?

Он произнес «княгиня» так, что это прозвучало издевкой. Я почувствовала, как щеки заливает румянцем. От злости. От унижения.

— Вы голодны? — спросила я, меняя тему. Голос прозвучал ровнее, чем я ожидала. — Могу предложить ужин. Похлебка из зайчатины и лепешки. Не большое угощение, но горячее.

Он снова удивленно вскинул бровь. Кажется, такого он не ожидал. Чтобы изнеженная столичная кукла, которая и палец о палец не ударяла в замке, предлагала ему ужин?

— Не откажусь, — кивнул он после паузы.

Я поворошила угли в жаровне, разогрела похлебку, поставила на стол две миски. Лепешек оставалось мало, но я отломила половину и положила перед ним. Сама села напротив, стараясь держаться прямо, хотя внутри все дрожало.

Он ел молча, сосредоточенно. Отламывал хлеб, макал в похлебку, жевал. Я смотрела, как двигаются его руки — сильные, с длинными пальцами, в шрамах.

Воин. Наемник? Или кто он там у Вольдемара?

— Хорошая похлебка, — сказал он наконец, отодвигая пустую миску. — Кто готовил?

— Я, — ответила я.

Он снова вскинул бровь. Не поверил.

— Ваша светлость, — начал он, и от этого обращения меня передернуло, — позвольте спросить прямо. Как вы выжили?

Я замерла. Вот оно.

— Дорога дальняя, — продолжал он, не дожидаясь ответа. — Леса глухие. Одна, с младенцем, со служанкой, которая в жизни ничего не умела, кроме как подушки взбивать. Без денег, без припасов, без теплой одежды. И вот вы здесь. Дом прибран. Дрова есть. — Он кивнул на связки под потолком. — И даже кот сытый. Я не верю в чудеса, княгиня. Кто вам помогал?

Я молчала, собираясь с мыслями. Он ждал, не торопил. Сидел напротив, сложив руки на столе, и смотрел своими жуткими желтыми глазами.

Он смотрел на меня долго, изучающе. Я не отводила взгляд.

-- Никто.

— Не вяжется, — сказал он наконец. — Я видел вас в замке. Вы были другой. Гоняли слуг за каждую провинность. Носили шелка. Смотрели на всех свысока. А теперь... — Он обвел рукой комнату. — Теперь вы здесь. И говорите со мной на равных. Что случилось?

— Жизнь случилась, — ответила я. — Когда тебя выкидывают на мороз, как ненужную вещь, быстро вспоминаешь, что ты человек.

Он хмыкнул. Встал из-за стола, прошелся по комнате. Остановился у колыбели, заглянул внутрь. Я напряглась, но не двинулась с места. Лины там не было.

Он подошел ближе. Теперь между нами было меньше шага. Я чувствовала запах дорожной пыли, лошадиного пота, и еще — опасности. Он был большой, сильный, а я была одна. Но я заставила себя смотреть ему в глаза.

— Вы живы, — констатировал он. — Хотя, судя по докладам, должны были умереть еще в дороге.

Меня бросило в жар. Значит, он знал. Знал о плане. Может, даже участвовал в нем. Я отступила на шаг, вцепившись в дверной косяк, чтобы не упасть.

— Зачем вы здесь? — спросила я. Голос мой прозвучал хрипло, почти неслышно.

— Затем, что мне нужна правда. — Он шагнул через порог, не спрашивая разрешения. — Кто вам помог?

— Не понимаю, о чем вы, — выдохнула я.

— Прекрати притворяться, — оборвал он. В его голосе прорезалась сталь. — Ты, изнеженная столичная кукла, которая выскочила замуж за титул и деньги, не способна выжить в лесу с новорожденным ребенком. Даже с помощью служанки и голодного мальчишки. — Он обвел рукой нашу комнату, чистую, но убогую. — Это не твоя заслуга. Кто-то тебе помогал?

Каждое его слово было пощечиной. Я чувствовала, как горит лицо. Не от стыда — от гнева. От унизительной несправедливости.

Он видел во мне пустое место, никчемную девицу, которая только и умеет, что крутиться перед зеркалом.

А я... я была женщиной, которая дважды поднималась после разводов, которая сутками слушала чужую боль на телефоне доверия, которая работала не покладая рук всю свою жизнь! Я была той, которая кинулась спасать чужого ребенка! И уже один раз умерла.

Но он этого не знал. И не должен был узнать.

— Повторяю ещё раз: никто! — Сказала я, глядя ему прямо в эти страшные желтые глаза. — Мы выжили сами. Мальчишка ловит рыбу и ставит силки. Служанка шьет и готовит. Я делаю все остальное.

Он усмехнулся. Усмешка вышла некрасивой, хищной.

— Ты? — переспросил он, окидывая меня взглядом. — Ты, которая в замке палец о палец не ударила, чтобы помочь собственной служанке? Которая носилась по коридорам с кислой миной, стоило не подать тебе вовремя воды?

Откуда он это знал? Я напрягла память Фреи — и перед глазами всплыли картинки. Да, она была такой.

Выросшая в богатстве, избалованная любовью нянек, она действительно считала слуг пустым местом. Она вышла за Вольдемара, ослепленная его красотой и блеском титула. Она не знала его, не видела его гнилой сути.

Но я была не она.

— Люди меняются, — тихо сказала я. — Особенно когда их хотят убить.

Он приблизился еще на шаг. Теперь между нами было меньше метра. Мне захотелось отшатнуться, вжаться в стену, но я заставила себя стоять на месте.

— Не ври мне, — прошипел он, склоняясь надо мной. — Я видел таких, как ты. Лживых, пустых. Вы умеете только брать. И предавать. Кто тебе помог? Лекарь? Слуга? Может, кто-то из моих людей продался тебе за твое тощее тело?

Меня захлестнула волна такой ярости, какой я в себе не знала. Кровь прилила к лицу, в висках застучало. Этот самоуверенный, наглый мужлан смел оскорблять меня, меня, которая ночами не спала, прислушиваясь к дыханию Лины, которая руками, голыми руками, оттирала каменный пол от вековой грязи, которая зарезала человека, спасая свою дочь!

— Пошел вон, — сказала я.

Он замер. Его брови удивленно поползли вверх.

— Что?

— Вон из моего дома, — повторила я, и голос мой, вопреки всему, не дрогнул. — Ты никто здесь. Ты слуга моего мужа, который бросил меня умирать. Ты не имеешь права врываться сюда, оскорблять меня и моих людей. Ты ничего не знаешь обо мне. Ни-че-го.

Я говорила тихо, но каждое слово падало в тишину, как камень в воду. Его лицо изменилось. Презрительная усмешка сползла, уступив место чему-то другому. Настороженности. И, кажется, первому проблеску уважения.

— Ты...

— Я сказала, вон, — перебила я. — Я приняла тебя как гостя в этом доме, а ты отплатил чёрной неблагодарностью!

У него дернулась щека. На миг мне показалось, что он сейчас ударит меня. Или засмеется. Но он отступил. Медленно, не сводя с меня глаз, отошел к двери.

— Ты не та, за кого себя выдаешь, — проговорил он, остановившись на пороге. — И я узнаю, кто ты на самом деле. Обязательно узнаю.

— Узнавай, — кивнула я, сжимая кулаки, чтобы скрыть дрожь. — Но в другой раз стучи громче. И снимай сапоги. Я только полы помыла.

Он хрипло рассмеялся. Невесело, зло, но искренне. И вышел, хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась труха.

Я прислонилась к стене. Колени подогнулись, я сползла вниз, прямо на холодный пол. Сердце колотилось, как бешеное, в ушах шумело. Из-за занавески выскочила Грета, за ней Митька с ножом.

— Госпожа! Вы живы! — Грета бросилась ко мне. — Кто это был?

Я посмотрела на дверь, за которой только что скрылся этот страшный, желтоглазый человек. Он уехал. Но я знала — это не конец. Он вернется. И в следующий раз просто так не уйдет.

Да и сейчас ушёл только потому, что думает - у меня есть тайный помощник и защитник.

Но сейчас, сквозь страх и дрожь, во мне жило странное, пьянящее чувство. Я выстояла. Я посмотрела в глаза опасности и не отвела взгляд. И пусть он считает меня лживой куклой — мне все равно. Я знаю, кто я. И я буду бороться. За себя. За Лину. За тех, кто мне поверил. За наш маленький, отвоеванный у холода и смерти мир.

- Не знаю, Грета. Представился слугой моего мужа, но я в этом сомневаюсь.

Кот спрыгнул с лежанки, подошел ко мне, потерся о бок и громко замурлыкал. Будто говорил: «Молодец, хозяйка. Так его!». Я погладила его по рыжей спине и улыбнулась. Впервые за этот долгий, страшный день.

Сегодня мне удалось выгнать незваного гостя, а что будет завтра? Нужно срочно что-то придумать.

11

Ночью я не спала. Лежала на своей перине, прислушивалась к дыханию Лины и смотрела в потолок, где плясали тени от ночника. Мысли крутились вокруг того, кто приходил днем.

Рагнар. Настоящее ли это имя? Действительно ли он слуга моего мужа? В этом я сильно сомневалась.

Он уехал, но что-то подсказывало мне: это не конец. Такие люди просто так не появляются и не исчезают.

Утром я приняла решение.

— Грета, — позвала я, когда мы позавтракали. — Найди мне бумагу. И чернила. Помнишь, мы разбирали кабинет.

Она удивилась, но послушалась. В ящике лежали пожелтевшие листы, пузырек с высохшими чернилами и перья.

Я налила в чернильницу воды, подождала, пока они размокнут. Села к столу, обмакнула перо. И замерла.

Что писать? Здравствуйте, тетя Астрид, меня хотели убить, но я выжила, приезжайте, спасите?

Я усмехнулась своим мыслям. Нет, так нельзя. Всегда нужно помнить, что я княжна Фрея, а не Фрося из другого мира.

Писала долго. Три черновика скомкала и бросила в печь. Четвертый оставила.

«Дорогая тетя Астрид.

Пишу вам из поместья Альмир, куда меня отправил муж после родов. Возможно, вы уже знаете — у меня родилась дочь. Ее назвали Линой.

Обстоятельства моего отъезда сложились так, что я не успела попрощаться с вами лично. И теперь, оказавшись здесь, вдали от столицы, я понимаю, что нуждаюсь в вашей помощи.

Вы были правы, когда запретили мне выходить замуж за Вольдемара. Теперь я это ясно вижу. Прошу у вас прощения.

Поместье разрушено. Слуг нет. Еды нет. Мы выживаем вчетвером — я, моя дочь, юная служанка и мальчик, которого я взяла из деревни. Зима была тяжелой, но мы справились.

Я не знаю, что ждет нас дальше. Муж не интересуется моей судьбой. Боюсь, что Лине и мне не выжить здесь без поддержки моего рода.

Прошу вас, не оставляйте нас. Мне нужна не столько ваша милость, сколько защита. Я не знаю, кому еще писать.

Остаюсь вашей племянницей, Фрея».

Перечитала. Сухо. Официально. Но правда.

Я запечатала письмо воском, нашла в столе старую облатку с гербом — чужой герб, не мой, но сойдет.

— Митька, — позвала я.

Он прибежал мгновенно, будто ждал у двери.

— Сможешь доехать до почтовой станции? Это в Долгом, я думаю, или дальше по тракту. Спросишь, где принимают письма до столицы. Только сильно не светись. Не попади в неприятность. Возьми нашу лошадь.

Он кивнул, взял письмо, спрятал за пазуху.

— Вернусь к вечеру, госпожа, — сказал и выбежал.

Я смотрела ему вслед и молилась всем богам, которых не знала, чтобы с ним ничего не случилось.

Он уехал. А через час пришли люди.

Сначала я услышала стук топоров. Выглянула в окно — и обомлела. На крыше нашего дома копошились фигуры. Трое мужиков вскарабкались по лестницам, сбрасывали вниз гнилые доски, перекликались грубыми голосами.

Я выскочила во двор.

— Вы кто? Что делаете?

Один из них, пожилой, с седой бородой, спустился ко мне.

— Барин нанял, — сказал он просто. — Велел крышу латать, пока совсем не развалилась. Окна вставить, где выбиты. И продукты велел привезти.

— Какой барин? — спросила я, хотя сердце уже знало ответ.

— Так приказчик хозяина этих земель. — мужик пожал плечами. — Он платит хорошо — мы и работаем.

Он ушел к другим мужикам. А я стояла во дворе и смотрела, как чужие люди восстанавливают мой дом.

К вечеру приехала телега. Два мешка муки, крупа, соль, копченое мясо, масло, даже сахар — настоящий сахар, которого я не видела с того мира. Овощи: репа, морковь, лук. Пожухлые, прошлогодние, но не гнилые. И тюк с теплыми одеялами.

А следом пришли женщины. Трое, молчаливые, с тряпками и ведрами. Они попросили показать, где мыть, и принялись за уборку. Я пыталась отказаться, но они и слушать не хотели.

— Велено прибрать, барыня, — сказала одна. — Мы быстро.

Я стояла посреди комнаты и чувствовала себя чужой в собственном доме. Грета металась между женщинами, пыталась помогать, но ее оттесняли. Кот забрался повыше и оттуда наблюдал за происходящим с подозрением.

Лина проснулась и заплакала. Я взяла ее на руки, ушла в дальний угол, где было тише, и просто смотрела.

Кто он? Зачем это делает?

Тот мужчина, с желтыми глазами. Он не был похож на человека, способного на добрые дела. Да и зачем это ему? Но кто еще?

Может, это тетя? Нет, слишком быстро. Письмо еще даже не доехало до станции.

Может, граф Лерхайм? Но он говорил, что не может вмешиваться открыто. А это — открытое вмешательство.

Я терялась в догадках.

К вечеру рабочие ушли. Крыша была залатана, в двух окнах вставили стекла. Женщины вымыли полы до скрипа, вытряхнули половики, перестирали занавески.

Убрались в каждой комнате, до которой у нас с Гретой не доходили руки. Накрыли оставшуюся мебель простынями в гостевых комнатах, чтоб не портилась от пыли и солнечного света. В кладовой стояли мешки с продуктами.

Митька вернулся, когда стемнело. Уставший, но довольный.

— Отправил, госпожа. Сказали, через две недели дойдет, если дороги не развезло.

Я кивнула, накормила его ужином. Он смотрел на изменения в доме круглыми глазами, но ничего не спрашивал. Только покосился на мешок с сахаром и облизнулся.

— Бери, — разрешила я. — По кусочку всем. Заслужили.

Ночь снова была бессонной. Я лежала и слушала, как по новой крыше стучит дождь. В доме было тепло. Сухо. Впервые за полгода я не слышала завываний ветра в щелях.

А на душе было тревожно.

Кто он? Чего хочет? Почему помогает? Особенно после того, как я выгнала его из дома.

Я ждала, что он вернется. Каждый день выглядывала в окно, прислушивалась к стуку копыт. Но дни шли, а никто не приезжал.

Началось лето.

Лес за домом зазеленел, зацвел. Воздух стал мягким, теплым. Мы открыли окна, и в комнаты ворвался запах травы и цветов.

Лина росла. В одно утро она вдруг встала в своей колыбели, ухватилась за край и сделала первый шаг. Потом второй. И шлепнулась на попу.

Грета взвизгнула от восторга. Митька засмеялся. А я смотрела на дочку и чувствовала, как сердце разрывается от счастья и страха одновременно.

Она пойдет. Вырастет. А что дальше?

Дом стоял целый. Мы были сыты. Но над нами висела тень. Тень человека, который мог одним словом уничтожить все.

А ещё муж. Вряд ли он оставит меня в покое. Что-то подсказывало - от своих планов Вольдемар не откажеться ни за какие блага.

Письмо от тети пришло через месяц.

Его привез верховой, молодой парень в ливрее с незнакомым гербом. Он отдал мне конверт, поклонился и уехал, даже не попросив воды.

Я стояла на крыльце и смотрела на плотную бумагу, запечатанную алой печатью. Герб рода Рунгерд — волчица с факелом.

Пальцы дрожали.

Я вернулась в дом. Села за стол. Грета и Митька замерли в углу, глядя на меня. Лина возилась на полу с деревянной ложкой. Кот дремал на подоконнике.

Конверт лежал передо мной. Тонкий. Легкий. Внутри — моя судьба.

Я боялась его открывать.

Рука потянулась, отдернулась. Снова потянулась.

— Госпожа? — тихо спросила Грета.

Я не ответила.

Как им сказать о своих страхах? Фрея, настоящая Фрея поступила глупо. Она отказалась от тёти, тайно вышла замуж за Вольдемара, чем нанесла оскорбление своей семье.

Её, то есть мой род может просто отказаться от непутёвой представительницы и забыть обо мне навсегда. Вычеркнуть из истории.

Взяла конверт, провела пальцем по печати. Их кольнуло. Словно электрические разряды по кончикам побежали вверх к ладони. Тетя Астрид. Единственная родная кровь в этом мире. Если она отвернется — все. Нам не выжить.

Лина засмеялась, поймав кота за хвост. Кот дернул ухом, но не убежал.

Я сломала печать.

12

Я сломала печать.

Пальцы дрожали так, что бумага ходила ходуном. Пришлось прижать локти к столу, чтобы разобрать хоть слово. Почерк у тёти оказался твёрдым, с резким нажимом, совсем не женским.

«Дорогая Фрея.

Твоё письмо меня потрясло. Не столько тем, что ты написала, сколько тем, что ты вообще смогла его написать. Месяц назад ко мне явился твой муж и с печальным лицом сообщил, что ты не перенесла родов и погибла вместе с новорождённой. Он даже предложил отслужить заупокойную мессу в столичном храме. Я чуть не сошла с ума от горя.

А теперь ты пишешь мне. Живая.

Я не знаю, что происходит, девочка. Но если это правда — знай: я сделаю всё, чтобы защитить тебя и твою дочь. Даже если для этого придётся пойти войной на Вольдемара и весь его род.

Однако прежде я должна убедиться. Мало ли кто мог написать мне от твоего имени. Ответь мне на три вопроса. Только ты, настоящая Фрея, знаешь на них ответы.

Первый: что я подарила тебе на твои двенадцать лет, когда ты сломала палец, упав с лошади?

Второй: как звали нашу старую кухарку, которая тайком кормила тебя сладостями перед сном, и что с ней случилось?

Третий: что ты прошептала мне на ухо, когда я застала тебя в слезах за день до твоего побега с Вольдемаром?

Ответь. И тогда я поверю.

Твоя тётя, Астрид Рунгерд».

Я перечитала письмо три раза. Сначала просто пробежала глазами, потом вчиталась, потом застыла над последними строками.

Ответы у меня были. Не в моей памяти — в памяти Фреи. Они лежали глубоко, на самом дне, куда я старалась не заглядывать, потому что чужая жизнь всё ещё отзывалась болью. Но сейчас пришлось нырнуть.

Двенадцать лет. Сломанный палец. Я зажмурилась, и картинка всплыла сама собой: девочка в синем бархатном платье, с заплаканным лицом, сидит в кресле, а тётя Астрид, высокая, строгая, в тёмном платье с высоким воротником, протягивает ей... что?

Маленькую шкатулку. Серебряную, с гранатами. Внутри лежал засушенный цветок — тот самый, который Фрея сорвала в саду в день смерти матери. Тётя сохранила его и вернула, когда девочка больше всего нуждалась в утешении.

Я открыла глаза. Сердце колотилось ровно, но где-то в груди поселился холодок.

Второй вопрос. Кухарка. Я помнила её имя — тётя Марта. Полная, добрая, с руками, всегда пахнущими тестом и мятой. Она пекла крошечные медовые коврижки и прятала их в кармане фартука, чтобы угощать маленькую Фрею, когда та не могла уснуть. А потом... потом её нашли мёртвой в своей каморке. Просто не проснулась однажды утром. Фрея плакала три дня.

Третий вопрос был самым страшным.

«Я боюсь, что он меня разлюбит, тётя. Я боюсь, что я недостаточно хороша для него. Но я не могу без него жить».

Глупая, наивная девочка, которая променяла родную кровь на красивую улыбку и обещание счастья.

Я сидела за столом, и чужие слёзы жгли глаза. Слезы Фреи. Или уже мои? Я перестала понимать, где кончается она и начинаюсь я.

— Госпожа? — тихо позвала Грета. — Вам плохо?

Я покачала головой. Встала, подошла к окну. Лина возилась на расстеленном одеяле, пытаясь поймать солнечный зайчик. Кот лежал рядом, положив голову на лапы, и лениво жмурился.

Посмотрела на него внимательнее.

Он изменился. Я не замечала этого раньше, потому что видела его каждый день. Но сейчас, в солнечном свете, стало очевидно: шерсть у него больше не была тусклой и взъерошенной. Она лоснилась, переливалась медью и золотом. Глаза, прежде мутноватые, сияли яркой, прозрачной зеленью. Он двигался иначе — легко, упруго, будто сбросил несколько лет.

Он выглядел моложе. Намного моложе, чем полгода назад.

— Странно, — сказала я вслух.

— Что, госпожа? — Грета подняла голову от шитья.

— Кот. Ты не замечала? Он словно помолодел.

Грета посмотрела на рыжего, прищурилась.

— Ну... — протянула она неуверенно. — Сытый просто. И мыши тут жирные.

Я покачала головой. Нет, дело было не в мышах. Но объяснения у меня не было. Отложила эту мысль, как и многое другое, что не вписывалось в привычную картину мира.

Вопросы тёти жгли внутри. Я должна была ответить. Но тогда тётя Астрид не простит Вольдемару эту ложь и попытку убийства. Она поднимет свой род, пойдёт на княжеский дом Герхардов...

И что будет с нами? С Линой? С Гретой и Митькой? На моих руках будет кровь. Вряд ли это хорошее начало жизни в этом мире.

А если промолчать? Остаться здесь, в тишине, никому не нужными, забытыми? Лина вырастет в глуши, будет играть с деревянными ложками, ловить рыбу в реке, собирать грибы... и никогда не узнает, что такое балы, дворцы, тонкие ткани и разговоры об искусстве.

Она дочь князя. Пусть даже отец её — мразь, но кровь не вода. У неё есть право на место в этом мире. На имя. На будущее.

Я смотрела, как она тянет ручки к коту, как тот снисходительно позволяет себя тискать, и понимала: я не имею права решать за неё. Когда она вырастет, пусть выбирает сама. Но сейчас я должна дать ей этот выбор.

Нужно хорошо подумать и решить. Сердце Фреи ещё болело из-за мужа. Часть меня всё ещё его любила. Но с каждым днём всё меньше.

Настоящая я вообще не понимала за что можно было полюбить этого мерзавца. А нежная, молоденькая Фрея пропала с первого взгляда, с первого касания.

Лето вступило в свои права.

Настоящее, тёплое, с долгими светлыми вечерами и густым ароматом трав. В один из таких дней мы с Гретой сидели на завалинке и смотрели на огород, который остался от прежних хозяев. Он зарос полынью и лебедой, но где-то под сорняками ещё угадывались ровные ряды.

— А давай засадим огород сами? — предложила я.

Грета удивилась.

— Овощи? Госпожа, я не умею. Я ведь родилась и работала в доме, а не в деревне.

— Я тоже не умею, — честно призналась я. — Но не боги горшки обжигают. Научимся.

На следующее утро мы пошли в деревню, ту самую, где когда-то купили Митьку. Взяли у баб семян — репы, моркови, лука, капусты. Бабы смотрели на нас с сомнением, но семена дали. Бесплатно. Сказали: «Посадите, милые, авось взойдёт».

Мы вернулись и принялись за дело.

Земля оказалась тяжёлой, глинистой, с камнями. Лопата унас была одна, старая, с погнутым штыком. Грета копала, я разбивала комья граблями. Митька, когда возвращался из леса с дровами, помогал таскать камни. Руки у нас быстро покрылись мозолями, спины болели, но мы не сдавались.

Через неделю у нас было четыре кривоватые грядки. Мы посадили семена, полили водой из колодца и сели ждать.

Лина ползала рядом в старой рубашонке, совала пальцы в землю и радостно гугукала. Кот сидел на крыльце и смотрел на нас с таким видом, будто мы занимались полной ерундой.

Дни тянулись медленно. Мы поливали грядки каждое утро и каждый вечер, дождей почти не было. Я начала сомневаться: а вдруг не взойдёт? Вдруг мы всё делали не так?

И вот однажды утром Грета выскочила на крыльцо с диким криком.

— Госпожа! Госпожа, идите скорее!

Я выбежала, чуть не споткнувшись о кота. Грета стояла над грядками и показывала пальцем вниз.

Там, из тёмной земли, пробивались крошечные зелёные ростки. Тонкие, слабые, но живые.

— Получилось, — выдохнула я. — Грета, получилось!

Мы обнялись прямо там, посреди огорода, и расхохотались. Лина, увидев наше веселье, захлопала в ладоши и заверещала. Кот спрыгнул с крыльца, подошёл к грядке, обнюхал росток и чихнул.

— И ты туда же, — засмеялась я. — Не мешай.

Вечером мы сидели за столом и ели похлёбку с сушёными грибами, но всё время поглядывали в окно. Там, в сгущающихся сумерках, зеленели наши ростки.

— Вырастут, — уверенно сказала Грета. — Мы их выходим.

Я кивнула. И впервые почувствовала себя счастливой в этом неприветливом мире.

Лина заснула в своей колыбели. Кот свернулся рядом с ней клубком. Я смотрела на дочку. Её голова почти упиралась в колыбель. Как же быстро она растёт! Просто невероятно.

Хотя дети всегда растут слишком быстро.

13

Огород рос не по дням, а по часам.

Сначала это были просто робкие зелёные пёрышки, которые мы с Гретой оберегали. А потом, словно по волшебству, грядки взорвались буйной, сочной зеленью. Репа выкинула широкие листья, морковь распушилась кружевной ботвой, лук стоял ровными рядами, как солдатики на смотре.

Я приходила сюда каждое утро. Садилась на траву и просто смотрела. Солнце поднималось над лесом, роса блестела на листьях, пахло тёплой землёй и мятой. Хорошо было так, что сердце замирало.

Лина тянула ручки к зелени, пыталась схватить травинку и тащила её в рот. Я отнимала, она возмущённо гудела. Кот сидел на меже между грядками, щурился на солнце и иногда, утомлённый бездельем, валился набок и засыпал прямо там, среди овощей.

Грета смеялась: «Сторож! Мыши теперь в огород побоятся сунуться».

А мыши и правда не совались. То ли кот старался, то ли просто удача была на нашей стороне.

— Госпожа, — позвала как-то Грета, возвращаясь из леса с полным лукошком. — Красница пошла! Кустищами целыми! Митька там ещё сидит, собирает, боится отходить, чтоб место не заняли.

Я заглянула в лукошко. Ягоды были мелкими, тёмно-красными, с сизым налётом. Пахли лесом и солнцем.

— Это брусника? — спросила я, припоминая названия из прошлой жизни.

— Красница, — поправила Грета. — Из неё варенье знатное, только сахару много надо. А если без сахара — мочить можно, в бочках. На зиму хорошо идёт с мясом.

Я кивнула. С сахаром у нас было небогато, но мочить — это мы умели. В погребе нашлись старые дубовые кадушки, Митька их выпарил, выскоблил — теперь стояли, ждали дела.

Сезон пошёл.

Грета с Митькой теперь пропадали в лесу с утра до вечера. Возвращались усталые, исцарапанные ветками, но довольные. Красница сменялась черницей, черница — княженикой, которую местные звали «поленикой», а потом пошла голубика — крупная, сладкая, с сизым восковым налётом.

Я сушила ягоды на чердаке, расстилая их тонким слоем на чистой холстине. Варила варенье в медном тазу, который нашла в кухонных завалах. Грета смотрела на это действо с благоговейным ужасом — здесь сахар был роскошью, варенье варили только по большим праздникам.

— Много сахару-то, госпожа, — вздыхала она, глядя, как я сыплю в таз белый песок.

— Не жалко, — отвечала я. — Зима долгая, болеть никто не хочет?

Мы варили и закрывали. Варенье густело, пузырилось, брызгало рубиновыми каплями. Пахло так, что слюнки текли. Лина, сидя в своей колыбели, тянула ручки к плите и требовательно говорила «дай-дай».

Я макала палец в пенки и давала ей облизать. Она закатывала глазки от удовольствия.

Грибы пошли чуть позже. Маслята, подберёзовики, крепкие белые с коричневыми шляпками. Митька приносил их полными корзинами, высыпал на крыльцо, и мы с Гретой чистили, резали, сушили на нитках, развешивая под потолком в кухне.

К осени наша кладовая наполнилась до самого верха. Сушёные грибы в холщовых мешках, связки трав под потолком, ягоды в берестяных туесках, варенье в глиняных горшках. Приятно было смотреть на это богатство. Спокойно.

Но была у меня и своя забота.

В прошлую зиму, страшную и холодную, никто из нас не болел. Ни разу. Ни я, ни Лина, ни Грета с Митькой. Удача? Просто повезло? Я не знала. Но рисковать второй раз не хотела. Лекарства здесь заменяли травы. Значит, нужно было собирать их.

Всю весну и лето я изучала найденный фолиант с описанием и зарисовками растений. Заучивала наизусть что для чего использовалось. Но всё равно не уверенно шла в лес.

Я взяла корзину, нож, привязала Лину платком к себе за спину и отправилась в лес.

Лина любила такие походы. Она сидела у меня за спиной, вертела головой, хватала меня за волосы и радостно лопотала что-то на своём, младенческом языке. Кот увязался следом. Он бежал впереди, останавливался, оглядывался, будто проверял, не отстаём ли, и снова нырял в папоротники.

Я искала травы по приметам, которые вычитала в книге. Вот это кажется зверобой — от ста болезней, это ромашка — живот успокоит, это тысячелистник — раны заживляет.

Зверобой я нашла на опушке. Жёлтые цветы горели на солнце, как маленькие свечки. Я срезала верхушки, сложила в корзину.

Потом попалась ромашка — не та, аптечная, а полевая, с крупными белыми лепестками. Тоже годится.

Мята росла у ручья — целые заросли, пахла так, что голова кружилась. Я наломала целый пучок, для чая.

В глубине подлеска, под старыми елями, нашла валериану. Узловатые корни, пахнущие так, что кот прибежал и долго крутился рядом, принюхиваясь.

— Тебе зачем? — засмеялась я. — Ты и так спишь по двадцать часов в сутки.

Он обиженно фыркнул и уселся на пенёк, демонстративно отвернувшись. Далеко от дома я старалась не отходить, помня встречу с волком в прошлый раз.

Я собирала и думала. Мысли крутились вокруг одного — письма.

Оно лежало в шкатулке, под замком. Уже три недели. Написано, запечатано, ждёт. Но я не могла его отправить.

Каждое утро я говорила себе: сегодня. Каждый вечер откладывала на завтра.

Слишком многое стояло на кону.

Вольдемар узнает, что я жива. И тогда он пошлёт не одного слугу с дубиной, а целый отряд. Или яд. Или подосланного убийцу. Вариантов у него много, он князь, у него власть и деньги.

А если промолчать? Остаться здесь, в тени, никому не нужной забытой княгиней?

Лина вырастет в глуши. Будет собирать ягоды, ловить рыбу, выйдет замуж за местного парня, нарожает детей и состарится здесь, даже не узнав, что могло бы быть по-другому. Без имени. Без титула. Без права на что-то большее.

Я смотрела на неё. Она спала у меня за спиной, пригревшись, уткнувшись носом в платок. Тёмные ресницы, пухлые щёчки, маленький кулачок у рта.

Имею ли право решать за неё? Лишать её выбора, который есть у каждого человека? Или, наоборот, защитить любой ценой, пусть даже ценой её будущего?

Мысли путались. Я не знала правильного ответа.

Лес вокруг стоял тихий, светлый. Пятна солнца лежали на мху, на папоротниках, на стволах сосен. Птицы перекликались где-то высоко. Пахло смолой, нагретой хвоей и грибами.

Я остановилась у старого дуба, перевела дух. И вдруг почувствовала.

Взгляд.

Чужой, тяжёлый, он упёрся мне в спину между лопаток. Так явственно, что я даже вздрогнула. Волосы на затылке зашевелились.

Я резко обернулась.

Лес стоял пустой. Тени, солнечные пятна, тишина. Никого.

— Кто здесь? — спросила я громко, и голос мой прозвучал глухо, нелепо в этой звенящей тишине.

Никто не ответил.

Кот, сидевший на пеньке, поднял голову, насторожил уши. Посмотрел вглубь леса. Его зелёные глаза сузились, ноздри затрепетали. Он явно что-то чуял.

— Что там? — спросила я шёпотом.

Кот молчал. Он смотрел в лес долго, напряжённо. Потом зевнул, демонстративно отвернулся и принялся вылизывать лапу.

Я выдохнула. Показалось. Наверное.

Но осадок остался. Весь обратный путь я то и дело оглядывалась. Лес молчал. Только ветер шумел в кронах.

Вечером мы сидели на крыльце. Грета перебирала ягоды, Митька точил нож. Я пила чай с мятой и смотрела, как солнце садится за лес.

— Мить, — позвала я. — Ты в лесу никого чужого не встречал?

Он поднял на меня удивлённые глаза.

— Чужого? Нет, госпожа. Зверьё только. А что?

— Да так, — я покачала головой. — Показалось.

Он кивнул и вернулся к своему ножу. А я смотрела на лес, темнеющий за огородом, и думала: не показалось.

Кто-то там был. Кто-то смотрел на меня.

Я допила чай и ушла в дом. Лина уже спала в своей колыбели. Кот лежал рядом, охраняя. Я легла на свою перину, прикрыла глаза, но уснуть долго не могла.

В окно светила луна. Где-то в лесу ухнула сова. И мне всё чудилось, что в темноте, за стеклом, мелькает чья-то тень.

14

Осень пришла в Альмир неожиданно. Ещё вчера солнце пекло немилосердно, а сегодня небо затянуло серой мутью, и ветер потянул с севера холодом, сыростью, запахом прелой листвы.

Я стояла на крыльце, кутаясь в платок, и смотрела на лес. Листья на берёзах уже пожелтели, кое-где проглядывала багряная рябина. Скоро зима. А на душе было так же муторно, как на небе.

Письмо тёте Астрид жгло карман. Я перечитывала его каждую ночь, ворочалась, не спала, а утром прятала обратно в шкатулку.

Но в это утро я приняла решение.

— Митька, — позвала я, когда он вышел из сарая с охапкой дров. — Соберись в дорогу. Поедешь на почтовую станцию.

Паренёк отнёс дрова Грете, вернулся ко мне в своих стареньких ботинках и потрёпанном кожухе. Вид у парня был жалкий. Он рос и кожух стал ему мал.

Нужно перешить ему куртку из найденных вещей. И сапоги купить. Денег у нас не было. Но я подобрала то, что можно продать у кузнеца в деревне.

Митька взял конверт бережно, как величайшую драгоценность. Спрятал за пазуху, прижал рукой. Глаза у него стали серьёзными, почти взрослыми.

— К вечеру вернусь, госпожа. Не сомневайтесь.

— Возьми нашу лошадь. И еды. — Я сунула ему свёрток с лепёшкой, сыром и вареньем. — Не геройствуй, если что — сразу назад.

Он кивнул, вскочил на клячу и уехал. Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом дороги.

Грета подошла сзади, встала рядом.

— Отправили, госпожа?

— Отправила.

— И что теперь?

Я покачала головой.

— Теперь ждать.

День тянулся медленно. Я занималась делами, но мысли всё время возвращались к Митьке. Дорога дальняя, лошадь старая, а он ещё ребёнок. В Долгом дороги развезло после дождей, в уездный город ехать часа три, если не больше.

К вечеру небо затянуло окончательно, и хлынул ливень. Настоящий, осенний, с ледяными струями и порывистым ветром. Я стояла у окна и смотрела, как потоки воды заливают двор, как гнутся деревья в саду.

— Госпожа, идите от окна, простудитесь, — позвала Грета. — Митька, может, в Долгом переждёт у знакомых, утром вернётся.

Я кивнула, но тревога не отпускала.

Ночью я не спала. Прислушивалась к ветру, к стуку дождя по крыше. Лина спала спокойно, кот свернулся у неё в ногах. А я ворочалась и думала о Митьке. О том, как он там, один, под этим ледяным дождём.

Он вернулся утром.

Я услышала стук копыт и выскочила на крыльцо, накинув платок. Митька слез с лошади, пошатнулся, схватился за седло. Лицо у него было белое, губы синие, с волос ручьями текла вода.

— Отправил, госпожа, — простучал он зубами. — Сказали, через две недели дойдёт.

— Дурак ты, — выдохнула я, подхватывая его под руку. — В такую погоду ехать! Почему не переждал грозу? Живо в дом! Грета разжигай печь!

Мы затащили его в комнату, стащили мокрую одежду, укутали в одеяла. Он дрожал так, что зуб на зуб не попадал, пытался улыбаться, но улыбка выходила кривой.

— Ничего, госпожа, я крепкий, — прошептал он и закрыл глаза.

К вечеру у него начался жар.

Я сидела рядом, меняла тряпки на лбу, поила отваром ромашки и липового цвета. Он метался, бормотал что-то бессвязное, звал мать. Грета плакала в углу, укачивая Лину. Малышка чувствовала наше напряжение и капризничала, не хотела засыпать.

— Тише, тише, — шептала я, прижимая ладонь к груди мальчика. — Всё будет хорошо.

Ночью стало совсем плохо.

Митька горел. Градусника у меня не было, но по ощущениям температура за сорок. Он хрипел, кашель разрывал грудь, дыхание стало частым, поверхностным.

— Госпожа, он умрёт? — спросила Грета шёпотом, и в её глазах стоял такой ужас, что у меня сердце оборвалось.

— Не умрёт, — отрезала я жёстче, чем чувствовала. — Не дам.

Я поила его отваром коры ивы — там есть что-то вроде природного жаропонижающего. Растирала грудь барсучьим жиром, который удалось добыть весной.

Ничего не помогало.

Он метался в бреду, скидывал одеяло, звал кого-то. Иногда вскрикивал: «Не надо! Я не воровал!». Я держала его за руку, гладила по голове, шептала что-то успокаивающее. Бесполезно.

Грета уснула под утро, обессилев от слёз, прижав к себе Лину. Я осталась одна.

Сидела на табурете рядом с лежанкой, смотрела на Митьку. Осунувшееся лицо, тёмные круги под глазами, горячечный румянец. Такой молодой. Ещё ребёнок.

И вдруг меня накрыло. Той самой, знакомой уже волной отчаяния, когда мир сжимается до одной точки, до одного человека, который может умереть прямо сейчас, и ты ничего не можешь сделать.

Я вцепилась в край лежанки, впилась ногтями в дерево, чтобы не закричать. Слёзы потекли сами, горячие, злые.

— Помогите же кто-нибудь, — зашептала я в пустоту. — Ну пожалуйста. Он же совсем мальчишка. Он ни в чём не виноват. Он просто хочет жить. Я не могу, не могу его потерять.

В комнате было тихо. Только трещала свеча в подсвечнике да хрипел Митька.

На постель прыгнул кот.

Я и не заметила, как он появился. Рыжая тень метнулась из темноты, и вот он уже сидел в ногах у Митьки, свернувшись пушистым клубком. Его зелёные глаза светились в полумраке, как два фонарика.

Он посмотрел на меня. Долго, пристально, не мигая. И в этом взгляде было что-то такое… не кошачье. Словно он понимал всё. Словно знал что-то, чего не знала я.

Вспомнились сказки о котах, которые лечат.

— Помоги ему, — прошептала я, сама не веря в то, что говорю. — Пожалуйста. Если ты можешь… помоги.

Кот моргнул. Медленно, важно. Потянулся, перебрался ближе к груди Митьки и лёг, прижавшись к его боку. Закрыл глаза.

Я сидела и смотрела.

Минута. Две. Десять.

Митька заворочался, вздохнул глубоко, без хрипа. Повернулся на бок, подложил ладонь под щёку. Дыхание выровнялось, стало спокойным, ровным.

Я протянула руку, коснулась его лба. Он был горячим, но не обжигающим, как час назад. Жар спадал.

— Не может быть, — выдохнула я.

Кот приоткрыл один глаз, глянул на меня с ленивым превосходством и снова закрыл.

Я откинулась на спинку стула. Сердце колотилось где-то в горле. Что это было? Совпадение? Мои отвары наконец подействовали? Или…

Я посмотрела на кота. Он спал, разомлев, прижавшись к мальчишке. Обычный рыжий котяра, каких полно в любой деревне. Но я-то помнила, как он изменился за этот год. Как помолодел, как залоснилась его шерсть.

— Кто ты? — прошептала я.

Кот не ответил. Только шевельнул ухом и замурлыкал громче.

Утром Митька открыл глаза. Ясные, осмысленные, без поволоки.

— Госпожа? — просипел он. — Пить.

Я поднесла кружку с отваром. Он выпил жадно, облизнул пересохшие губы.

— Как ты? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Нормально, — удивился он. — Только слабый чего-то. А что случилось?

— Ты чуть не умер, вот что, — сказала я и отвернулась, чтобы он не видел моих глаз.

Грета, проснувшаяся и заставшая эту картину, сначала замерла, а потом бросилась к нам.

— Митька! Живой! — она повисла у него на шее, чуть не сбив с постели.

— Э, ты чего? — растерялся он, но по лицу расплылась счастливая улыбка.

Кот, разбуженный суетой, спрыгнул на пол, потянулся и важно вышел за дверь. Даже не оглянулся.

Я смотрела ему вслед и чувствовала, как внутри поселилось что-то новое. Странное, необъяснимое. Чудо? Или просто удача? Я не знала.

Митька поправлялся быстро. Через три дня он уже ковылял по комнате, ворчал, что его заставляют пить противные отвары, и просил мяса.

— Обойдёшься, — строго говорила я, но втайне радовалась.

Всё обошлось. Он жив. Мы все живы.

А письмо ушло. И теперь оставалось только ждать.

Неделя прошла в хлопотах. Надо было заканчивать с огородом, собирать последние овощи, сушить травы, готовиться к зиме. Но я всё время ловила себя на том, что смотрю в сторону леса.

Митька был ещё слаб, поэтому сети пришлось проверять самой.

Я взяла корзину, надела старые сапоги и пошла к реке. Лина осталась с Гретой. Утро было прохладным, туман стелился над водой, пахло тиной и прелыми листьями.

Сети я ставила вместе с Митькой, запомнила места. Раньше было не до них. Рыбы там скорее всего уже нет. Но сами сети забрать надо. Подошла к заводи, разулась, заткнула платье за пояс. Вода была ледяной, ноги сразу онемели, но я стиснула зубы и шагнула глубже.

Первая сеть шла туго. Я тянула, и она тяжелела с каждым рывком. Неужели не пустая? Я уже видела в мутной воде серебристые бока рыб. Ещё немного, ещё чуть-чуть…

Сделала шаг назад, чтобы упереться в дно. Нога скользнула по камню.

Я не успела сгруппироваться. Просто в одно мгновение потеряла равновесие и рухнула в воду спиной назад.

Холод обжёг, сковал дыхание. Вода залепила уши, нос, рот. Я барахталась, пытаясь понять, где верх, где низ. Ноги не находили дна, руки хватали пустоту.

Сети опутали меня, тянули вниз.

Я вынырнула на секунду, глотнула воздуха и снова ушла под воду. Течение тащило, крутило, било о камни.

«Лина, — пронеслось в голове. — Лина останется одна».

Я забилась сильнее, рванулась, но сети держали крепко. Лёгкие жгло, не хватало воздуха.

15

Вода тащила меня вниз.

Я барахталась, захлёбывалась, выныривала на секунду, чтобы глотнуть воздуха, и снова уходила в ледяную муть. Сети опутали ноги, тянули ко дну, не давали плыть. Течение было сильным, оно несло меня, крутило, било о камни.

— Помогите! — закричала я в очередной раз, вылетев на поверхность.

Голос мой потонул в шуме воды. Никто не услышит. До дома далеко, Грета с Линой остались там, Митька слабый лежит. Никто не придёт.

Я снова ушла под воду. В ушах звенело, в глазах потемнело. И вдруг, среди этого ужаса, меня накрыла злость. Такая острая, жгучая, что я забилась ещё сильнее.

Какого чёрта? Я уже умерла один раз. И что? Получила второй шанс, чтобы вот так глупо утонуть в какой-то речке, запутавшись в рыбацких сетях?

Это несправедливо. Я столько пережила. Роды, дорогу, убийцу, зиму, голод, волка. Я вытащила себя и Лину из самой бездны. Я не имею права умирать вот так.

Ноги коснулись дна. Я оттолкнулась, вынырнула, закашлялась. Берег

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.